

Кристина Брук
Чаровница
Серия «Министерство брака», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10885679

Кристина Брук. Чаровница: АСТ; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-086945-9

Аннотация

Красавица Сесили Уэструдер готова вступить в унылый брак по расчету со смешным, чудаковатым герцогом Норлэндом – да вот беда: в свое время она в письме брату безжалостно вышучивала жениха. И теперь, когда брат погиб при таинственных обстоятельствах, письмо необходимо срочно найти, иначе – конец всем надеждам на блестящее будущее.

Разумеется, благородный герцог Ашборн, как истинный джентльмен, готов прийти на помощь Сесили и даже рискнуть жизнью. Одно маленькое «но» – он сам безумно влюблен в девушку и готов на все, только бы она не досталась другому...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	29
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Кристина Брук Чаровница

Christina Brooke
A DUCHESS TO REMEMBER

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

© Christina Brooke, 2012
© Перевод. А. Е. Мосейченко, 2014
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Глава 1

Англия, 1816 год

Хартфордшир

Леди Сесили Уэструдер никогда не лезла за словом в карман. Более того, по мнению ее родных, у нее был на редкость хорошо подвешен язык, весьма длинный и острый, и этим преимуществом она пользовалась при всяком удобном случае.

Но от столь откровенной наглости даже она потеряла дар речи.

Лавиния надула губки, а в ее синих глазах сверкнули молнии.

– Моя дрожайшая кузина! В таком случае посоветуй, мне бы очень хотелось услышать твое мнение: что мне делать?

Лавиния, графиня Давенпорт, прелестная, соблазнительная блондинка, обожала кокетничать и заигрывать с мужчинами более интересными, чем ее муж. Это были очень опасные заигрывания.

Сесили обменялась удрученным взглядом с мопсом, песиком Лавинии, который с грустным видом лежал на софе, пуская слюни прямо на атласную подушку. Весь будуар Лавинии – от мебели до последней лепной завитушки на стене – блестел позолотой и всевозможными оттенками розового. Ужасный кричащий вкус, режущий глаз.

– Я догадываюсь, в чем тут дело, – вздохнула Сесили. – Здесь все так ярко и пестро, что от этого у тебя, милая Лавиния, видимо, слегка помутилось в голове. Дорогая кузина, я посоветовала бы тут все переменить, переделать интерьер в менее возбуждающий, более спокойный синий цвет, это должно отрезвить тебя.

– Ну хватит, Сесили, – резко бросила Лавиния. – В конце концов, я прошу о такой малости, в сущности, о пустяке.

– О пустяке? – Сесили опешила. – Ты хочешь, чтобы я осталась у тебя после того, как разъедутся все гости, чтобы прикрыть твои амурные делишки, пока твой муж, мой кузен, в отъезде.

– Как можно быть такой вульгарной в своих мыслях, – притворно вздохнула Лавиния. – Столь откровенная прямота когда-нибудь доведет тебя до беды. Лорд Перси – друг, не более того. Он остроумен, забавен, его общество развлечет меня. А так как Бертрам в Лондоне, то не умирать же мне в одиночестве от скуки в этой глуши?

«Когда ни до кого нет дела, кроме себя, то конечно, – мелькнуло в голове Сесили. – А сколько здесь, в этом забытом богом уголке графства, дел – просто непочатый край. Да хотя бы проведать своих арендодателей, посмотреть, нельзя ли каким-нибудь образом улучшить их положение. Проявить хоть какой-то интерес к жизни в провинции».

– Не надо смотреть на меня такими глазами, – огрызнулась Лавиния. – Ты поймешь меня, как только выйдешь замуж за своего престарелого герцога.

– Он не так стар, как ты считаешь, – моментально выпалила Сесили. Норланд скорее казался старым, чем был на самом деле. С другой стороны, и Сесили, будучи весьма юной особой, для своего возраста выглядела не по летам зрелой.

Но она тут же прикусила язык. Доля правды в словах кузины точно была. Сесили не питала никаких романтических чувств к своему будущему супругу. Несмотря на это, она не собиралась крутить романы за спиной мужа – у нее было достаточно других увлечений, представлявших куда больший интерес.

В планах Сесили на будущее и мужу, и мужчинам вообще не придавалось особого значения – она не нуждалась в чей-либо помощи или поддержке. Брак для нее был средством, позволявшим добиться столь желанной материальной независимости. Если бы она откла-

дывала вступление в брак, то ей пришлось бы долго ждать своей доли наследства – до тридцати лет, что было просто невыносимо. Кроме того, замужняя женщина обладала гораздо большей свободой, чем незамужняя.

Конечно, леди Уэструдер прекрасно понимала, как и с какой целью устраиваются браки по расчету. Помимо этого, она отлично знала, что Норланд и после женитьбы не собирается рвать отношения со своей любовницей. Да и беспорядочный светский образ жизни, столь широко распространенный и тайком поощряемый в лондонском свете, нисколько не привлекал Сесили, а притворяться и лицемерить она не любила. Если бы она пошла по стопам Лавинии, то заслуживала бы такого же презрения.

И вот теперь Лавиния хотела, чтобы Сесили помогла ей дурачить и водить за нос Бертрама. Нет, она ни за что не согласится, какие бы угрозы и проклятия не посылала Лавиния на ее голову.

Более того, Сесили давно не испытывала к Лавинии никакой привязанности. Каждый раз приезжая в Гэрравей-холл, она вспоминала, что поместье унаследовал ее кузен Бертрам от брата Сесили, смерть которого она никак не могла забыть. Обычно Сесили уговаривала ехать с собой ее кузину Розамунду, но та недавно вышла замуж и была занята устройством семейного гнездышка.

«Впрочем, – с облегчением вздохнула Сесили, – меня можно поздравить – скучнейший вечер кончился, и страдания вместе с ним».

Кульминацией этого утомительного празднества стал бал, а на следующее утро все гости должны разъехаться по домам, за исключением разве что лорда Перси. Теперь Сесили могла со спокойной совестью вернуться в лондонский особняк герцога Монфора, ее опекуна. Там-то она отдохнет душой, забудет о дурном вкусе Бертрама и Лавинии среди пусть более дальних, но гораздо более близких ей по духу родственников.

– Боюсь, при всем желании, дорогая Лавиния, я не смогу дольше задерживаться у тебя. Монфор получил кучу приглашений в мой адрес. Сезон вот-вот начнется. Что же касается твоего плана, то на роль твоей компаньонки больше подходит какая-нибудь светская матрона, чем юная леди, только-только начинающая выезжать в свет.

– Думаю, ты права, – сухо ответила Лавиния, играя пузырьком с духами на своем туалетном столике. – В таком случае не могла бы ты одолжить мне Тибби?

– Нет. – Разве могла Сесили отдать свою верную компаньонку мисс Тибби, словно какую-то вещь вроде носового платка?! – А почему бы тебе не попробовать в этой роли миссис Арбакл, твою приживалку. Она не только будет смотреть на все сквозь пальцы, но и огорчит от злых сплетен.

– Посмотрим, – протянула Лавиния, встав перед зеркалом и любясь. – Почему бы и нет? Что мне еще остается, раз ты не хочешь оказать мне услугу. – Лавиния закусила губу. – Боюсь, как бы миссис Арбакл сама невольно не стала распускать слухи. Есть у нее слабость: не умеет она как следует держать язык за зубами.

Она провела рукой по кружевам, окаймлявшим юбку сзади, а другую положила на грудь, которую открывало очень глубокое декольте. По ее губам скользнула мечтательная улыбка, словно она вспомнила что-то очень приятное.

Очнувшись, она опять взглянула на Сесили. Вдруг ее взгляд утратил слащавую мечтательность, став цепким и завистливым. Лавиния пристально смотрела на двойную нитку жемчуга, украшавшую шею Сесили. Жемчуг был отборный, очень крупный, розового цвета; украшение перешло к Сесили по наследству, как и ряд других драгоценностей, от матери.

Сесили вспомнила, какое сильное дурное предчувствие охватило ее, когда она надевала жемчуг перед сегодняшним балом.

– А-а, – протянула Лавиния, – я вспомнила, что хотела тебе сказать. Я случайно нашла дневник Джонатана – в сундуке на чердаке. Боже, он, наверное, пролежал там все девять лет с лишком после его смерти.

Нарочито небрежная манера Лавинии больно кольнула Сесили в сердце. Смерть брата, сколько бы лет ни прошло с его кончины, оставалась для нее неизбывным горем.

Джонатан...

В воздухе повисла долгая томительная пауза.

– Дневник? – с усилием наконец выдавила Сесили.

Несмотря на то что она старалась выглядеть такой же равнодушной и легкомысленной, как Лавиния, легкая, но заметная хрипота в голосе выдавала ее волнение.

Джонатан, брат, самый любимый и самый дорогой человек на свете...

Когда несколько лет назад Сесили поинтересовалась судьбой личных бумаг брата, Лавиния ответила, что все сожгла. Как это было в духе Лавинии – лгать всегда и всем. После смерти Джонатана мир Сесили рухнул. Ушел последний из близких ей людей. Все, что она считала своим в течение одиннадцати лет, вдруг стало принадлежать Бертраму и Лавинии.

Став новоиспеченной графиней, Лавиния наложила свою жадную лапу на все, что раньше принадлежало Сесили, и даже драгоценности, перешедшие к Сесили от матери, она считала своими.

– Вот я и подумала, – как бы на что-то намекая, сказала Лавиния, не сводя синих глаз с ожерелья, – наверное, для тебя он представляет какой-то интерес. Тебе ведь хочется его посмотреть, не так ли?

Сесили сразу все поняла. Невольно она прикоснулась ладонью к круглым, таким теплым и родным жемчужинам, закрывая их от завистливых глаз Лавинии.

На мгновение Сесили возмутилась от мысли, что ее украшение будет носить кузина. Каким бы дорогим и изящным ни был жемчуг, для нее важнее было другое – его носила мать, этот жемчуг впитал теплоту материнской кожи и сердца. Каждый раз надевая его, Сесили казалось, что мама с ней рядом, она как будто чувствовала материнскую доброту и заботу.

Что за сентиментальность?! Романтические мечтания, и только. Как можно предаваться подобной чепухе, когда она может заполучить прямо сейчас дневник Джонатана?

– Как это любезно с твоей стороны, кузина, – как можно спокойнее сказала Сесили. – Покажи мне его, пожалуйста, если он у тебя под рукой.

Было ясно, в чем заключался интерес Лавинии, – наступал момент торга.

Лавиния надула губки и прищурилась:

– С какой стати мне идти тебе навстречу, если ты не хочешь оказать мне даже пустяковую услугу.

Рисковать своей собственной репутацией ради репутации Лавинии – с точки зрения Сесили, вовсе не было пустяшной любезностью. Впрочем, не стоило обращаться к гадалке, чтобы узнать, чем закончится их беседа. Сесили судорожно принялась искать что-нибудь такое, что могло бы заменить жемчужное ожерелье. Кроме того, не стоило забывать о капризности и взбалмошности Лавинии. Когда что-то было не по ней, она в приступе истерики могла натворить все, что угодно. Например, не моргнув глазом, сжечь дневник Джонатана.

Во рту Сесили пересохло так, что она с трудом выдавила из себя:

– Если... если я одолжу тебе ожерелье на один вечер?

Лавиния задумалась.

– Заманчиво, м-м, очень заманчиво. Но почему только на один вечер? По-моему, одного вечера явно маловато.

Сесили облизнула губы. Неужели Лавиния хочет заполучить жемчуг надолго, если не навсегда? Но она никак не могла отдать ожерелье. Ее горничная, имевшая доступ к шкатулке

с драгоценностями, скоро бы заметила его отсутствие. Как только слух о пропаже дошел бы до ушей герцога, поднялась бы ужасная шумиха.

– Ладно, – неохотно проговорила Сесили, – ты можешь пользоваться им до твоего возвращения в Лондон.

А ей придется придумать на всякий случай правдоподобную историю, объясняющую отсутствие ожерелья.

Лавиния никогда не умела ни скрывать, ни сдерживать свои эмоции. Жадность и холодный расчет отразились на ее лице так же отчетливо, как ее отражение в зеркале.

Сесили с трепетом ожидала дальнейшего торга, но тут Лавиния тряхнула в знак согласия головой.

– Хорошо. Можешь отдать его мне прямо сейчас? Ты не против, если я надену его сегодня вечером?

Сесили, обладавшую чувством прекрасного, передернуло от отвращения: неужели ее чудесный розовый жемчуг будет соседствовать с кричащим зеленым платьем Лавинии? Тем не менее она немедленно расстегнула замочек сзади на шее из страха, как бы Лавиния не потребовала еще что-нибудь. С какой неохотой, с какой внутренней болью она отдавала материнское ожерелье, и кому – жене ее кузена, совершенно чужой женщине! Но ради Джонатана, ради того, чтобы раскрыть тайну его смерти, Сесили была готова заплатить и не такую цену.

Жемчуг, как казалось Сесили, издавал немой крик, не желая переходить в чужие руки. Зайдя за спину Лавинии, Сесили замерла на мгновение, собираясь с духом. Встав на цыпочки – Лавиния была выше ростом, – она приподняла растрепанные локоны кузины, надела ожерелье на молочного цвета шею и защелкнула замочек. Жемчуг чуть соскользнул вниз, занимая привычное положение. Лавиния вся расцвела от удовольствия, как будто Сесили надела на нее не ожерелье, а королевскую корону. Не в силах смотреть на прихорашивавшуюся перед зеркалом кузину, Сесили с мрачным видом произнесла:

– Дневник. Прямо сейчас, пожалуйста.

– Ах да, конечно, – прошептала Лавиния и потрясла указательным пальцем. – Отвернись.

Сесили закатила глаза. Потайное место, о боже, оно оставалось потайным только для Лавинии. Сесили прекрасно знала, где оно находится, случайно открыв его, будучи девочкой-подростком. Но за прошедшие годы вряд ли что-нибудь изменилось, у Лавинии напрочь отсутствовало воображение, вряд ли она придумала что-нибудь новенькое.

Тем не менее Сесили послушно отвернулась, прислушиваясь к тому шуму, который издавала суетившаяся Лавиния.

Ожидание затягивалось, терпение Сесили было почти на исходе, когда Лавиния наконец-то принесла дневник. Едва ли не бросив его на стол перед Сесили, она опять принялась любоваться на себя и на ожерелье в зеркале.

Дрожащими руками Сесили прижала дневник брата к груди. Она гладила кончиками пальцев кожаный переплет, а сердце щемило от грусти. Внезапно у нее возникла мысль: если Лавиния нашла дневник, то вполне вероятно, что и какие-нибудь другие бумаги брата, забытые, никому не нужные, лежат в пыли и забвении где-нибудь на чердаке или в другом дальнем углу. Раньше она думала, что Бертрам и Лавиния, присвоив себе все ценное, все остальное и ненужное просто сожгли, выбросили или продали. Но теперь Сесили вдруг стало ясно, что все далеко не так просто, как ей представлялось. У нее перехватило дыхание, как только она вспомнила о своем последнем письме к Джонатану.

– А ты случайно не знаешь, что случилось с бумагами моего брата? – осторожно спросила Сесили. – Мне бы хотелось вернуть мои письма к нему.

Если бы Лавиния знала, как кузине хотелось заполучить обратно одно свое письмо, то, конечно, сохранила бы его. Стараясь выглядеть как можно беззаботнее, Сесили сказала:

– Может, ты нашла еще какие-нибудь бумаги вместе с дневником?

Лавиния нахмурилась:

– Нет, больше ничего. Не пойму, зачем тебе сдались твои собственные письма?

Пропустив ее вопрос мимо ушей, Сесили непринужденно повела разговор в чуть другом направлении:

– А его научные работы, заметки тебе не попадались?

Разумеется, ни Бертраму, ни Лавинии эти бумаги были совсем ни к чему.

Лавиния небрежно пожала плечами:

– Кто-то приходил за этими бумагами сразу после его смерти. Я сказала, что можно забирать их все, мне они нисколько не нужны. Но это было так давно, много лет назад.

В том, что Лавиния продала эти бумаги, у Сесии не было ни тени сомнения. Чтобы ее драгоценная кузина рассталась с чем-нибудь, не извлекая для себя выгоду, – такого просто не могло быть. А что, если ее письмо оказалось среди тех бумаг? От этой мысли у Сесили дрогнуло сердце. Если содержимое ее письма выплывет на свет, скандал неизбежен.

– А кто приходил за бумагами? – не унималась Сесили. – Видимо, какой-то знакомый или друг брата?

– Если тебе непременно так хочется знать, это был герцог Ашборн. – Тон Лавинии был небрежен, но он не мог обмануть Сесили. – Очень привлекательный мужчина. Темноволосый. А какие у него глаза!

Удивленная ответом, Сесили растерянно повторила:

– Герцог Ашборн? Что его могло заинтересовать в бумагах Джонатана?

– Да откуда же мне это знать? – Лавиния жеманно закатила глаза. – Но когда обращается герцог с просьбой, отказать невозможно. Тем более такому герцогу.

Сесили охотно поверила кузине. Фигура Ашборна, и прежде всего его подавляющая властность, тут же возникла в памяти Сесили. Не будучи с ним знакома, она хорошо знала, каким весом он обладает в свете. Очень влиятельная фигура, делец, участвующий во всевозможных предприятиях. А его репутация очень умного и всезнающего человека могла поспорить с репутацией самого герцога Монфора. Более того, судя по слухам, Ашборн на политическом поприще не раз переходил дорогу Монфору, путая ему карты.

– Видимо, эти бумаги имели явный интерес для герцога. Полагаю, его светлость отдал тебе солидную сумму за бумаги брата.

Лавиния поспешно отвернулась, но Сесили успела заметить торжествующий блеск в ее глазах. Ей стало ясно: во-первых, Лавиния выручила круглую сумму за бумаги Джонатана, а во-вторых, скорее всего, скрыла от супруга эту сделку. Полученные деньги Лавиния, вне всякого сомнения, потратила на платья или пустила на ветер, проиграв в карты.

– Когда это случилось? – спросила Сесили. – Неужели Джонатан был знаком с его светлостью, я ничего не слышала об этом.

– Полагаю, что да, был знаком, – закивала головой Лавиния. – А случилось это сразу после того, как Джонатан ушел из жизни. На самом деле именно герцог Ашборн был первым, кто принес печальное известие о смерти Джонатана.

Больше Сесили не о чем было разговаривать с Лавинией. Извинившись, она быстро направилась в свою спальную комнату, то и дело путаясь ногами в юбках. Верхняя, из муслина, была украшена красивым узором из веточек и листьев. Вбежав в спальную, она упала на кровать, так крепко прижимая дневник брата к груди, как будто его душа покоилась внутри кожаной обложки.

Прежде чем начинать читать, надо было успокоиться. В конце концов, это был всего лишь дневник, и воскресить к жизни любимого брата он никак не мог.

Сесили не плакала, когда ей сказали о кончине брата. Тогда Си было всего десять лет, и Джонатан являлся для нее всем. Случившееся несчастье раздавило ее, боль и горе были настолько велики, что она не могла плакать. Похоронив в глубине сердца ноющую сверлящую боль, смешанную с тоской по брату, все последующие годы она старалась избегать думать о нем, чтобы не ворошить прошлое.

До сегодняшнего дня.

Джонатану было двадцать четыре года, а ей – десять. По возрасту он вполне мог быть ее отцом и фактически был им. Джонатан нисколько не походил на ее опекуна, герцога Монфора, который казался таким далеким, чужим и недоступным. Не был он и рассеянным ученым-чудаком, каким был отец Сесили. Когда ей было шесть лет, ее родители погибли – лошади понесли, и карета разбилась, – поэтому Джонатан стал ей самым близким и самым любимым человеком на свете. А потом умер и он: погиб при пожаре в своей лаборатории. Невозможно было поверить в то, что навсегда исчезли этот блестящий, острый ум, неистощимый добродушный юмор, любящее доброе сердце. Кузен Бертрам вместе с женой Лавинией тут же поселились в доме Джонатана и Сесили под предлогом, что девочка нуждается в опеке и присмотре.

Но Сесили не нуждалась в их опеке, их мнимая забота о ней была ей совсем ни к чему. Ей был нужен Джонатан. Через несколько дней к ним нагрянул герцог Монфор и забрал никому не нужную сироту к себе.

Величественный роскошный Харкорт, особняк герцога Монфора, едва можно было назвать уютным гнездышком, так же как бойких, дерзких, уверенных в себе кузин семейства Уэструдер – брошенными, несчастными птенчиками. Впрочем, Сесили также нельзя было назвать послушной девочкой. На протяжении всего пути до Лондона она несколько раз пыталась бежать, дерзила, изо всех сил стараясь испортить Монфору настроение. Но тщетно, все ее дерзкие выходки не попадали в цель, герцог хранил невозмутимое спокойствие. Должно быть, ее непослушание забавляло его, не более того. Теперь Сесили только радовалась, замечая, как ее веселые, смешные и совсем незлобные выходки вызывают на лице Монфора улыбку. Но тогда его выдержка и спокойствие раздражали ее и выводили из себя.

И вот ей исполнилось двадцать, пришла пора для первого выхода в свет. А по расчетам, в середине сезона она должна была выйти замуж за человека, которого родители выбрали ей в качестве мужа, когда она еще лежала в колыбельке.

Взгляд Сесили опять скользнул по кожаному коричневому переплету. Почему Лавиния не послала дневник брата к ней несколько лет назад? Ведь у нее ничего не осталось на память о брате. Бертрам забрал все, даже личные вещи покойного. Наверное, Лавиния неплохо нагрела руки на продаже бумаг брата герцогу Ашборну.

Но прежде всего надо было во что бы то ни стало вернуть то письмо.

Возможно, ее волнения напрасны. Прошло столько времени, что письмо, скорее всего, безвозвратно затерялось среди деловых бумаг Джонатана или было выброшено вместе с другими ненужными вещами.

Но Сесили грызли сомнения: как знать, в жизни все случается. А вдруг письмо уцелело, и, после того как будет объявлено о ее помолвке, его неизвестный владелец вздумает ее шантажировать? Если содержимое письма выплывет наружу, то помолвка, вне всякого сомнения, будет разорвана. Хуже того, может пострадать ее честное имя, и тогда все погибло.

Постукивая пальцами по обложке дневника, Сесили колебалась, ее терзали угрызения совести.

Читать или не читать? Дневник, что ни говори, вещь глубоко личная. Другое дело, если бы брат был жив – тогда ей в голову даже не пришла бы мысль открывать его.

Но тоска по брату, желание приобщиться к его мыслям, переживаниям, ощутить его незримое присутствие постепенно брали верх над голосом совести.

– Ты же не против, старина? Да и что в этом плохого, а? Я знаю, ты не будешь возражать, правда? – тихо шептала себе под нос Сесили.

Глубоко вздохнув, она открыла дневник в надежде найти что-нибудь близкое, родное, утешительное. Обрести родственную связь с братом, а если повезет, даже утешение, которое погасило бы неизбежную печаль.

Перед глазами Сесили заплясали строчки, написанные таким знакомым – энергичным, торопливым – почерком. Как ни странно, они почти не облегчили ее боль. Внутри нее стало мало-помалу расти разочарование, и очень скоро оно охватило душу Сесили. Дневник на проверку оказался почти записной книжкой, и только. Время и места встреч, куда ходил брат, пока он был жив. И вот теперь остались только эти записи.

Сесили все сильнее и сильнее хмурилась, пробегая глазами одну страницу за другой. Одна запись повторялась регулярно, она пролистала несколько страниц назад, затем опять вперед – да, ежемесячно. Хм, «Прометеев клуб». Что за необычное название! Она никогда раньше не слышала о таком клубе.

Вне всякого сомнения, речь шла о каком-то джентльменском клубе, но не в привычном понимании этих слов, он не походил ни на «Уайт-клуб», ни на «Брукс-клуб». Его члены собирались в городском особняке герцога Ашборна. Сесили внимательно просмотрела страницы, где упоминался данный клуб, но не нашла ничего, что могло бы пролить свет на род занятий или увлечений его членов.

Имя герцога Ашборна периодически повторялось, причем исключительно в связи с «Прометеевым клубом». Чем же они с Джонатаном там занимались? Зачем герцогу понадобились бумаги брата?

Деятельность клуба, участь бумаг брата, как и ее злополучного письма, были окутаны тайной.

Глава 2

Лондон

Весна 1816 года

Рэнд, герцог Ашборн, с утомленным видом глядел на своего девятнадцатилетнего племянника. Молодые люди нагоняли на Рэнда еще бо́льшую скуку, чем юные дебютантки высшего света, которых ему подсовывала на роль его будущей жены леди Арден.

– Просить деньги на балу?! Должен заметить, ты выбрал самое удобное место и время для этой цели, – не без сарказма заметил Рэнд.

Разговор происходил в холле особняка леди Эверзли, когда Рэнд готовился взять пальто, трость и цилиндр, собираясь ехать к себе домой. Он торопился, так как сегодня вечером должно было состояться заседание «Прометеева клуба». Он был хозяином, и опаздывать в таких случаях, несомненно, было дурным тоном. Кроме того, с нетерпением ожидать заседания клуба его заставляла одна любопытная особенность.

Лицо юноши покраснело. Неужели он сейчас закатит здесь истерическую сцену – только этого не хватало. Рэнд терпеть не мог сцен, особенно на людях. Однако приходилось мириться с этим неизбежным злом. Натянутым тоном юноша произнес:

– Вряд ли бы я стал доносить вас здесь подобной просьбой, если бы вас можно было застать дома всякий раз, когда я захожу к вам.

«Возможно, я чаще был бы для тебя дома, если бы ты не заходил ко мне с единственной целью – попросить денег», – усмехнулся Рэнд.

– Послушай, Фредди, твои долги меня несколько не интересуют. Помнится, во время нашей последней встречи я предупреждал тебя, что впредь больше не намерен оплачивать твои непомерные расходы. Расточительство до добра не доводит. Ты же мне ответил, что такова жизнь, и пусть все идет к черту. Еще раз желаю тебе удачи, мешать тебе я не собираюсь.

– Но это долг чести, ваша светлость, – с трудом выдавил из себя Фредди.

– Ах, вот как?! Ваша светлость?! – мрачно усмехнулся Рэнд. – Со мной такие штуки не проходят. Кроме того, Фредди, тебе это совсем не к лицу. Бросай играть, если не можешь удержаться от сумасбродств. – И не без любопытства добавил: – А кому ты проиграл?

– Графу Давенпорту.

А вот это было уже интересно.

– Ого, вот с кем ты водишь компанию. Да-а, высоко летаешь.

Будь на месте Давенпорта он сам или какой-нибудь другой респектабельный джентльмен, он нашел бы способ уклониться от игры с зеленым новичком. Но Давенпорт в последнее время, судя по всему, намеренно втягивал в крупную игру излишне самонадеянных богатых юнцов с целью обстричь их как следует.

Впрочем, никаких доказательств, что Давенпорт мошенничает, у Рэнда не имелось: граф был очень осторожен. Но если Давенпорт и впредь будет вести себя подобным образом с доверчивыми юнцами, то придется поднять вопрос об исключении его из ряда клубов. Рэнд решил проверить, все ли тут чисто.

– А сколько ты должен графу Давенпорту? – поинтересовался Рэнд.

В лице Фредди, как в зеркале, отразился ряд переживаний – от надежды до беспокойства. Он проглотил комок, от волнения у него заходил кадык.

– Довольно крупную сумму, – выдавил он.

– Какую именно?

– Тысяча фунтов, – отчаянно выпалил юноша. Могло быть и хуже.

– Какое невезение. А не может ли граф подождать до Благовещения, до одного из четырех дней в году, когда по закону принято расплачиваться по долгам?

– Разумеется, не может, – опять разволновался Фредди, удивляясь глупости дяди. – Долг чести необходимо возвращать немедленно. Это же всем известно.

– Всем, кроме тебя, – сухо заметил Рэнд. – Или ты рассчитывал, что дядя опять тебя выручит? Об этом у нас с тобой уже был серьезный разговор.

– Но ведь речь шла об обычных долгах разным торговцам. Ничего страшного, если они немного подождут.

– Думаю, у них несколько иная точка зрения, прямо противоположная твоей, – заметил Рэнд, но Фредди пропустил мимо ушей это замечание.

– Черт побери, Рэнд, вас совершенно не трогают чужие неприятности. Будь я поумнее, то не стал бы обращаться к вам за помощью.

– Что верно, то верно, – согласился Рэнд. – Будь ты поумнее, то давно бы бросил играть в карты. Только не вздумай идти за деньгами к ростовщикам, тем самым ты только усугубишь свое положение. Расплачиваться все равно придется, вот только отдать нужно будет намного больше. Мне нисколько не хочется потом отдуваться за тебя, запомни это как следует.

Фредди поник:

– Что же мне тогда делать?

Рэнд смахнул пушинку с темного рукава.

– Продай своих лошадей. За них ты выручишь очень приличную сумму. Думаю, смогу найти для них покупателя. В картах ты ничего не смыслишь, зато, надо отдать тебе должное, прекрасно разбираешься в лошадях.

– Продать моих рысаков, словно жалкий разорившийся банкрот? – взвился Фредди. – Ни за что! Я ведь наследник герцогского титула.

Вырвавшаяся в горячке разговора фраза больно задела Рэнда. Вопрос наследования был его слабым местом. Слова глупого юнца разозлили герцога, он зловеще усмехнулся:

– Кажется, ты метишь на мое место, Фредди? И совершенно напрасно. Смею тебя заверить: к концу нынешнего сезона я обязательно женюсь.

Грустно сознавая крайне глупое и уязвимое свое положение – ему уже двадцать девять лет – Рэнд не без злорадства наблюдал за возмущенным племянником. Не говоря больше ни слова, он оставил его, предоставив полное право кипятииться от негодования, а также мучиться от страха. Несколько тревожных и беспокойных дней послужат неплохим уроком, а затем он, конечно, поможет Фредди. Но на этот раз он потребует за свои деньги вознаграждения – довольно с него благотворительности. Такие времена, что даже с родственниками, с любимым племянником, приходилось держать ухо востро.

М-да, родственники, родственники... Если Фредди был его любимым племянником, то что уж говорить об остальных?!

– Карета не нужна, я пройду пешком, – коротко бросил Рэнд стоявшему у выхода лакею.

Не успел он сделать пару шагов, как его кто-то окликнул. Обернувшись, Рэнд увидел герцога Монфора, одетого и с тростью в руке.

– Добрый вечер. – Рэнд учтиво поклонился. В палате лордов во время горячих дискуссий они, как правило, были оппонентами, поэтому особых причин для приязни у Рэнда не было.

Тем не менее он уважал Монфора за острый ум и тонкую проницательность и вместе с тем недолюбливал за свойственное многим пожилым людям желание остановить прогресс или по крайней мере удержать его настолько, насколько это было в его человеческих силах.

Перемены надвигались. Они витали в воздухе, однако верный приверженец старины не только намеренно не замечал, он игнорировал их, старался подавлять ростки прогресса, чтобы не дать им вырасти и нарушить привычный для него комфорт. Сам же Рэнд не боялся новшеств, для этого он был слишком любознателен и любопытен – более того, он их приветствовал, ратовал за нововведения, не позволяя противникам прогресса мешать их продвижению.

Монфор многозначительно посмотрел на Фредерика:

– Трудный возраст. Причиняет немало беспокойств.

– Согласен. Впрочем, вам об этом известно лучше, чем кому бы то ни было.

Монфор, воспитавший шестерых племянниц, прослыл в свете если не чудачком, то во всяком случае оригиналом. Рэнд понимал, насколько трудным был путь этого человека. Любой другой на его месте пошел бы по более удобному и легкому пути: оставил бы детей на попечении ближайших родственников, беспокоясь разве что об их доле наследства. Ради чего Монфор взвалил на свои уже немолодые плечи такой груз ответственности, оставалось для Рэнда загадкой.

– Вы не будете возражать, если я пройду с вами немного вместе? – спросил Монфор.

Показав жестом, что несколько не против, и взяв у лакея цилиндр, Рэнд вместе с Монфором вышли на улицу. Смеркалось. Не спеша оба джентльмена направились в сторону дома Рэнда.

Тротуар влажно блестел от недавнего дождя. Воздух радовал свежестью и прохладой, в нем чувствовалось слабое дыхание только что наступившей весны.

– Уверен, со временем он образумится, – сказал Монфор, продолжая разговор о Фредди, тогда как Рэнд предпочел бы закончить его.

– Не сомневаюсь.

Несмотря на то что Фредди изрядно поднадоел ему своими вечными просьбами о деньгах, Рэнд не испытывал никакого желания обсуждать с кем бы то ни было свои отношения с племянником.

– Полагаю, женитьба сумела бы оказать благотворное влияние даже на такого молодца, – как бы невзначай обронил Монфор.

Рэнд чертыхнулся, сразу поняв, к чему клонит Монфор.

Монфор возглавлял так называемое брачное министерство, название которого красноречиво говорило о цели и роде его занятий. Главы аристократических семей, принимавшие участие в заседаниях министерства, преследовали одну цель – заключение брака между членами самых знатных и древних родов. Рэнд, если бы захотел, благодаря своему высокому происхождению легко проник бы в этот круг избранных, но ему претила сама идея брака по расчету, он считал неприемлемым, как для себя, так и для Фредди, прибегать к подобного рода услугам.

Рэнд искоса посмотрел на герцога, помахивающего по обыкновению своей тростью с небрежной элегантностью.

– Заманиваете меня, ваша светлость, в дорогое вашему сердцу брачное министерство с целью обеспечить будущее моего племянника? Ни черта у вас не получится!

– Ваша горячность делает вам честь, – пробормотал Монфор, несколько не расстроенный тем, что его первая хитрая попытка была столь быстро отбита. – Это был чисто дружеский совет. Я вовсе не надеялся, что после стольких лет упорного нежелания прибегнуть к помощи брачного министерства вы отнесетесь серьезно к моему намеку.

Рэнд молчал.

– Позвольте поинтересоваться: каковы ваши матримониальные планы?

Рэнд заскрипел зубами. Монфор был настойчив до навязчивости. Никто в Англии не смел задать ему подобный вопрос. Разве только женщина.

Монфор продолжал как ни в чем не бывало:

– Леди Арден, похоже, отчаялась подыскать для вас подходящую партию в этом сезоне. Кто-кто, а она мастерица в своем деле, как никто другой умеет устраивать такие дела.

Рэнд решил немного подыграть:

– Интересно, что может предложить мне ваше драгоценное министерство, чего я не в состоянии сделать сам?

Монфор небрежно махнул рукой:

– Все, что пожелаете. Можно подыскать для вас юную леди, прекрасно осведомленную о том, как должна вести себя жена герцога. Без всякой романтической чепухи в голове. Незамужние леди нашего круга отлично знают, как и с какой целью устраиваются подобные браки.

– Вот как? – Вопрос Рэнда прозвучал подчеркнуто равнодушно.

Несмотря на деланое безразличие, сама идея ему нравилась. Но влезать в сложные и запутанные дела брачного министерства, устраивающего самые выгодные и самые удобные браки для отпрысков самых знатных родов, – нет уж, увольте! Мысленно он с негодованием отменил мысль о том, чтобы кто-нибудь из его родственников прибег бы к услугам министерства. Что бы там ни говорил Монфор, а браки заключаются на небесах. Без любви нет счастья в семейной жизни.

Что же касается его, то, как говорится, до сих пор любовь обходила его стороной. Как знать, может, прав был Фредди – он не способен любить, потому что вместо сердца у него кусок льда.

Тем не менее ему необходимо было жениться, и как можно скорее, для того чтобы Фредди перестал лелеять глупые надежды. Фредди – герцог и владелец всего состояния? Это никак не укладывалось в его сознании.

Как знать, может, в самом деле пришло время выбросить из головы романтическую чепуху и заключить, нет, не брак, а скорее деловое соглашение с леди из благородной семьи. Будучи герцогом, вследствие своего высокого происхождения и долга перед фамилией он был обязан заключить блестящий союз. Это надо было сделать также ради того, чтобы Фредди, как и другие наследники, не превратились бы в трогательных и печальных бездельников, живущих надеждами, которым никогда не суждено сбыться. Однако не стоило показывать вид, что предложение Монфора его заинтересовало.

Может быть, поэтому ответ Рэнда прозвучал нарочито резко:

– Очень признателен за вашу заботу. Если я когда-нибудь вздумаю жениться, то обойдусь без чьей бы то ни было помощи.

Глава 3

Как только у дверей особняка герцога Ашборна остановилась карета, Сесили поглубже спряталась в тень дома. Осторожно выглядывая из-за крайней колонны перед входом в дом, она невольно пожалела, что, в отличие от кошки, плохо видит в темноте и поэтому не может разглядеть как следует гостей герцога, поднимавшихся по каменным ступеням парадной лестницы. Зато она слышала их голоса. Кроме отдельных слов, она ничего не могла разобрать, а ей так хотелось узнать хоть что-нибудь о «Прометеевом клубе», о том, чем занимались его члены, найти хоть какую-нибудь зацепку, которая помогла бы раскрыть тайну отношений Ашборна с ее братом.

Из неразборчивого бормотанья, долетавшего до ее слуха, можно было понять очень немного. Но то немногое, что Сесили расслышала, поражало своим разнообразием – от философии и политики до астрономии. Все это было очень любопытно и вместе с тем совершенно неинтересно, поскольку нисколько не приближало к раскрытию тайны смерти брата.

Какой странный клуб! Прометей, как известно, был титаном, похитившим огонь у богов, и даже дерзко собирался раскрыть тайну бессмертия. Его имя стало символом прогресса, движения вперед, новых открытий, вероятно, обладающих разрушительной силой и ниспровергающих прежние понятия.

Это было во вкусе Джонатана.

И тут невольно возникали нехорошие мысли. Каким целям служила деятельность клуба: только ли целям прогресса или, помимо этого, неким другим, противозаконным? Как знать, не превратился ли небесный огонь Прометея в адское пламя – проще говоря, не походил ли клуб Ашборна на скандально известный клуб Дашвуда, который так и назывался «Геена огненная», где служили черную мессу и предавались пороку.

Сесили покачала головой. Нет, это невозможно. При всем желании она не могла вообразить, чтобы Джонатан мог заниматься столь непотребным делом. Чего никак нельзя было сказать о герцоге Ашборне, который пользовался репутацией сатира и поклонника женской красоты. Многие дамы, прикрывшись веерами, шушукались между собой, обсуждая амурные похождения герцога.

Поток гостей иссяк, а Сесили так ничего и не узнала, что могло бы приподнять завесу таинственности. Наступило время более решительных действий.

Она собралась было проскользнуть внутрь, но вдруг застыла на месте, услышав знакомый громкий смех. Мурашки пробежали у нее по спине. Так мог смеяться только один человек. Она узнала бы этот смех где угодно, потому что он ее раздражал и выводил из себя. Этот особенный, характерный смех был своеобразной визитной карточкой ее жениха, герцога Норланда.

Что он тут делает?

Но после краткого раздумья Сесили стало ясно – тут нет ничего странного. Пребывание Норланда в таком клубе было вполне уместным, он не скрывал своего увлечения наукой – более того, после смерти отца он стал своего рода наставником для Джонатана. Скорее всего, именно Норланд ввел брата в «Прометеев клуб».

Если у Сесили оставались еще какие-нибудь опасения – не стал ли он преемником клуба «Геена огненная», – то теперь подобные сомнения исчезли как дым. Герцог Норланд и по складу своего характера, и по роду своих увлечений никак не мог быть членом клуба с дурной репутацией.

Дверь за Норландом захлопнулась, послышался стук колес его кареты. Под прикрытием шума отъезжавшего экипажа Сесили стала подкрадываться к задней стене дома.

Пройдя мимо кухонного огорода, о чем говорил резкий пряный аромат растений и трав, она подошла к дверям кухни и замерла на месте от волнения и страха. Но колебания были быстро отброшены: слишком много усилий, времени и денег было потрачено на тщательную проработку плана проникновения в особняк Ашборна. Если отступить сейчас, придется ждать целый месяц – до следующего заседания «Прометеева клуба».

Прислонившись ухом к дверям, Сесили прислушалась. Внутри было очень тихо. Она щедро заплатила одному из слуг Ашборна, чтобы дверь в кухню оставили незапертой. Слуга заверил ее, что ни одна живая душа не заметит ее проникновения в дом. Всякий раз в день заседания «Прометеева клуба» указания герцога были одними и теми же – приготовить отличную закуску, после чего всем удалиться, чтобы не попадаться никому из гостей на глаза.

Опять в голове Сесили зашевелились тревожные мысли. Так могли проходить только собрания тайного общества. Возможно, даже незаконного. Иначе для чего было его членам сохранять анонимность?

Сердце девушки гулко колотилось в груди так, словно собиралось выпрыгнуть. Сесили тихонько потянула дверь – она в самом деле была незапертой, как и обещал подкупленный слуга. Вздых облегчения слетел с ее губ. Дверь, петли которой были обильно смазаны маслом, бесшумно распахнулась.

Все шло хорошо. Тем не менее волнение не покидало Сесили – мертвая, пожалуй, даже зловещая тишина настораживала.

Сесили была вся как на иголках. И как же было ей не волноваться? Она только что совершила попытку проникновения не просто в чужой дом, а в особняк герцога Ашборна, с намерением раскрыть цель секретных собраний клуба. Вторжение в жилище и в частную жизнь грозит серьезными неприятностями.

Твердость и бескомпромиссность Ашборна были хорошо известны, наряду с его острым умом, образованностью, граничащей с всезнанием. Среди его знакомых были и лидеры политических партий, и салонные остроумцы, и другие талантливые люди, одним только посредственностям закрыт доступ в круг его друзей. Ашборн был настоящим человеком Возрождения: многогранность его интересов была поразительной, и каким бы предметом он ни начинал заниматься, везде добивался успеха, в том числе и в любовных делах. Одна из известных куртизанок лондонского света случайно обронила, что не он, а она должна была платить за его услуги, – настолько поразило ее искусство и умение Ашборна доставлять любовные наслаждения.

Все знали, кем был герцог, но что он за человек, похоже, не было известно никому. Сесили, пытаясь узнать как можно больше об Ашборне, осторожно расспросила о нем, но все, с кем она разговаривала, лишь пожимали плечами в ответ на ее вопросы. Герцог был чрезвычайно скрытен. Все его знали, и в то же время почти ничего не могли рассказать о нем, кроме приевшихся светских сплетен.

Ашборн представлял собой загадку. Он был окутан таинственностью, вызывавшей множество вполне законных вопросов. Не только странные обстоятельства смерти брата, но и сама личность Ашборна, его несомненная связь с братом дразнили любопытство Сесили.

Надежда получить хотя бы некоторые ответы на беспокоившие ее вопросы заставила Сесили пойти на явно безрассудный поступок – проникнуть глухой ночью, словно вор, в дом герцога.

С бьющимся от волнения сердцем она крадучись пошла в глубь темноты, пока не очутилась в прихожей, заставленной деревянными ботинками на высокой подошве, сапогами; на стенах висели плащи, зонтики, трости. Было так темно, что Сесили замерла на месте, пытаясь разглядеть проход, чтобы не наделать шума, столкнувшись с каким-нибудь препят-

ствием. Слабый луч света, пробивавшийся сквозь дверную щель из соседней кухни, помог ей выйти из затруднительного положения.

Она осторожно двинулась вперед, обходя вещи, стоявшие на полу. Перед ее мысленным взором возникла примитивная схема расположения помещений, набросанная по ее просьбе подкупленным слугой. Вот лестница для слуг, далее – коридор, который вел в гостиную, где должно было состояться собрание членов клуба. Рядом с гостиной располагалась небольшая комната, наподобие подсобного помещения. Вот тут-то и собиралась укрыться Сесили: отсюда, по словам слуги, можно было подслушать разговоры между членами клуба и даже кое-что подсмотреть.

Дверь в эту комнатку оказалась слегка приоткрыта. Сесили прислушалась – все было тихо и спокойно. Ей это показалось немного странным: она надеялась услышать отдаленный гул голосов, стук посуды, звон стекла. Осторожно она заглянула внутрь.

Вдруг чья-то сильная рука обхватила ее за плечи, а другая сжала рот. Сесили испуганно и глухо вскрикнула и рванулась в сторону. Тщетно! Схватившие ее руки крепко прижимали к чьей-то мужской груди. Над ее ухом сочный, очень приятный мужской голос насмешливо произнес:

– Наконец-то, а то я уже заждался.

Сесили буквально окаменела. Черт побери того слугу. Проклятый обманщик!

Все складывалось слишком гладко и подозрительно легко, разве не так? Но даже в самых мрачных предположениях она не могла додуматься, что слуга, которому она доверилась, которому так щедро заплатила, способен на двойную игру!

Впрочем, слуга, может быть, ничего не сообщал герцогу, а виной всему, если не врут слухи, всеведение герцога.

Кроме того, герцог удивил ее своей силой.

Все это промелькнуло в сознании Сесили буквально в одно мгновение. Она попробовала вырваться, но не тут-то было. Несмотря на все ее попытки – она пихала его локтями, била каблуками по ногам, – ее положение оставалось прежним. Если бы ей удалось вырваться, она надеялась, положившись на резвость своих ног, убежать от него. Сесили обожала играть в пятнашки, когда была девочкой, и еще не разучилась быстро бегать. Тем более в целях маскировки сегодня на ней была мужская одежда, а бегать в брюках было несравненно удобнее, чем в длинных юбках.

Держал он ее крепко, но не грубо, но все равно это было невыносимо. Словно играючи, он увлек ее за собой в ближайшую комнату, которая оказалась вовсе не смежной прихожей, а библиотекой. Поблизости не было не только видно, но и слышно членов «Прометеева клуба».

В библиотеке он отпустил Сесили. Шумно втянув в легкие воздух – доступ последнего туда был несколько затруднен, – она круто развернулась.

Перед ней стоял сам Ашборн.

Высокий, темноволосый – но не это привлекло внимание Сесили в первый момент. Больше всего ее поразили его губы, твердо и красиво очерченные, в которых проглядывали, удивляя своим сочетанием, непреклонность и чувственность. Его ясные глаза оглядели ее с ног до головы, отчего по спине Сесили побежали мурашки – вовсе не от страха, а от другого, необычного и скорее приятного ощущения. Ашборн повернулся, не спеша прошел к дверям и запер их.

Обернувшись, он насмешливо посмотрел на гостью. Однако Сесили была не из пугливых. Скрестив на груди руки, она вызывающе взглянула на него в ответ.

Показав ключ, Ашборн произнес:

– Мера предосторожности, не более того, – и опустил его к себе в карман.

Выражение его лица несколько смягчилось: оно уже не внушало опасений, и, по всей видимости, Сесили больше не угрожало насилие. Судя по всему, использование физической силы на этом закончилось. Впрочем, успокаиваться было рано. Во взгляде герцога проскальзывало нечто такое, что настораживало и смущало Сесили. Впервые за весь вечер она как никогда ощутила облегающую, обтягивающую выразительность мужского наряда, подчеркивающего женственность ее форм. Съехавший набор парик в результате их борьбы лишь усиливал ее нервозность.

Широкоплечий, мускулистый, стройный. В его высокой фигуре, в резких чертах его лица не было ни малейшего намека на несерьезность и тем более легкомысленность. Темного цвета одежда, никаких украшений и драгоценностей – все это подчеркивало данное впечатление.

Крючковатый нос, широкие скулы и глаза... удивительные золотистые глаза, в которых плясали огненного цвета точки, а вокруг – длинные пушистые ресницы. Глаза, как у кошки, точнее кота, спокойного, уверенного в себе и одновременно готового к прыжку, нападению. Сесили стало любопытно, светятся они в темноте или нет.

– Снимите парик, – произнес Ашборн.

Это было не повеление, не требование, но в мягкой выразительности проглядывалась пугающая непреклонность, которой лучше было не препятствовать.

Конечно, он понимал, кто перед ним. Не слуга и не паж, а переодетая мужчиной женщина. Ни ночь, ни одежда не могли скрыть этого. Если у него и могли быть какие-то сомнения, то они, безусловно, рассеялись во время их короткого столкновения.

От его слов и многозначительного взгляда у Сесили мурашки побежали по коже. Небрежно пожав плечами, она сняла парик и положила его на стол.

В его взгляде проскользнула то ли насмешка, то ли укоризна. В нем было нечто такое, что пробуждало в Сесили желание как-то объяснить свое вторжение в дом, свой необычный наряд, проще говоря – оправдаться перед ним.

Будучи племянницей герцога Монфора, Сесили научилась владеть собой. С невозмутимым видом она смирала его взглядом не хуже, чем он ее.

Он оказался моложе, чем она полагала. Раньше они не сталкивались так близко, а на расстоянии он казался старше, более высокомерным, да и уважение, которое оказывали ему в свете, прибавляло ему как лет, так и значительности, что и вводило в заблуждение. Данное заблуждение разозлило Сесили, как будто он нарочно придумал этот фокус с возрастом, чтобы или подшутить над ней, или одурачить ее.

В комнате повисла тишина, однако Сесили не собиралась нарушать ее первой. Она начала оглядывать библиотеку, книжные полки, столы, глобусы, карты. Она словно пыталась дать ему понять, что не только нисколько его не боится, но и что все это ей уже немного надоело.

– Ваш сообщник вас выдал, – наконец сказал Ашборн.

– Я об этом догадалась сразу же, как только мы познакомились поближе. – Сесили попыталась вложить в свои слова как можно больше язвительности, что было совсем не трудно, так как она досадовала на себя за свою оплошность и доверчивость.

Впрочем, может, это и к лучшему. Она окинула Ашборна испытующим взглядом: а нельзя ли от него выведать то, что ей так хотелось узнать. Может быть, если подойти к этому делу по-хитрому...

Выпрямив спину и слегка вскинув голову, она с величественной небрежностью взмахнула рукой:

– Мне кажется, ваша светлость, что я отрываю вас от ваших гостей. Ступайте к ним, вас, наверное, там заждались, а я сама найду дорогу.

Рэнд едва не расхохотался от такой дерзости. За кого она его принимает? Кем она себя воображает? На вид ей лет двадцать, не больше, а манеры, апломб, – как у вдовствующей герцогини.

– Мои гости прекрасно обойдутся без меня. – Ашборн оперся плечом о дверь и скрестил руки на груди. – Кроме того, ваш визит заинтересовал меня больше, чем сегодняшнее заседание клуба.

– Я рада, что сумела вас развлечь, – отозвалась Сесили.

Все пока шло как нельзя лучше.

Взгляд Ашборна как бы невзначай скользнул по выпуклостям ее фигуры: обтягивающие брюки прекрасно подчеркивали округлости бедер. Его воображение тут же нарисовало картину, от которой моментально пересохло в горле. В самом деле, идея с переодеванием теперь в его глазах выглядела не столько неудачной, сколько весьма пикантной.

Ашборн посмотрел ей в лицо. Большие карие глаза, дерзко вскинутый нос, пунцово-розовые губы, словно спелые вишни, и ему страстно захотелось отведать их на вкус.

– Как вас зовут?

Сесили молчала, внимательно смотря ему в лицо. Только через несколько мгновений Ашборн понял, что она изучает его, так же как и он – ее. Судя по выражению ее глаз, он не заслужил у нее одобрительной оценки. Произведенное им впечатление, как это ни странно, вызвало в нем досаду – весьма неприятное и раздражающее чувство.

Прервав свои наблюдения, Сесили подошла к столу, задумчиво провела пальцем по глобусу с изображением звездной сферы.

– Если я назову свое имя, вы отпустите меня?

– Не только отпущу, но и отведу домой к отцу, чтобы он преподавал вам урок.

– У меня нет отца, – с деланой печалью промолвила Сесили. – Я совсем одна в этом мире.

«Совсем одна». Эти слова прозвучали в его сознании как призыв к более решительным действиям. Другой мужчина на месте Рэнда воспользовался бы такой благоприятной возможностью, но насилие претило Ашборну.

Кроме того, она ему лгала – это было ясно как день. Тем не менее соблазн был велик. Но чтобы воспользоваться беспомощностью совсем молоденькой девушки... нет, на столь низкий поступок он не был способен. За всю свою жизнь он не обесчестил ни одной девушки – для подобных дел было сколько угодно других женщин.

Тем не менее он хотел ее. А свои желания и прихоти герцог Ашборн привык удовлетворять. Тем или иным способом.

– Ладно, если вы не хотите назвать ваше имя, в таком случае укажите район Лондона, где вы живете, чтобы я мог вас проводить. – Ашборн лукавил: он не собирался так легко отпускать свою пленницу, но хотел узнать о ней как можно больше. – Гулять одной по улицам Лондона в столь поздний час занятие далеко не безопасное.

– Если я вам признаюсь, то не поделитесь ли вы со мной кое-чем взамен?

Ее нахальство не знало границ. Неужели до нее до сих пор не дошло, что она целиком в его власти? А ведь он еще так и не спросил, что именно заставило ее тайком проникнуть в его дом.

Покачивая головой, Рэнд заметил:

– Мне кажется, вы не в том положении, чтобы торговаться.

Несмотря на резкость своего замечания, в этот момент Рэнд больше думал о том, какой чудесный у нее цвет волос, похожий на цвет красного дерева, какие они густые и шелковистые. Ему захотелось погладить их, ощутить их дивную мягкость. Это было уже второе его тайное и неисполненное желание.

Но тут она собрала волосы и завязала их в пучок на затылке. Некоторые пряди выбились и упали на ее белоснежный лоб. Рэнду захотелось обвить одну из этих прядей вокруг пальца и ласково поиграть с нею. Очередное неисполнимое желание.

Нисколько не смущенная его откровенным восхищением, а скорее даже польщенная им, Сесили сделала шаг или два к нему.

– Как сказать, если бы вы были обычным человеком, то, пожалуй, торговаться не стоило бы. Но вы, милорд, как любой избалованный аристократ, по-видимому, изнываете от скуки. Впрочем, вы, наверное, уже сообразили, что я не обычный домашний, а скорее случайный вор.

– Как бы вы себя ни выгораживали, все равно вы преступница.

– Но ведь ваше любопытство встревожено, не так ли? Сознайтесь. – Она дерзко посмотрела на него своими огромными карими глазами.

Сесили заблуждалась. Ашборн никогда не томился от скуки. Слишком обширен был круг его интересов и занятий. Несмотря на то что предпосылка была неправильной, вывод, сделанный Сесили, был совершенно верным: его любопытство было возбуждено. Никогда раньше ни одна женщина не вызывала у Ашборна столько неподдельного интереса. Без всякого преувеличения, он был увлечен ею.

Подкуп его слуги плюс незаконное проникновение в его дом – два серьезных преступления, каждое из которых в отдельности пахло виселицей по английским законам. Кроме того, она целиком была в его власти: они были наедине, и он мог делать с ней все, что угодно. Но, судя по всему, то ли от незнания, то ли от самонадеянности, свойственной молодости, ее нисколько не пугало положение, в котором она очутилась. «Кто же она?» – эта мысль неотступно вертелась в его голове.

– Вы излишне самоуверенны.

Сесили развела руки:

– К чему столько слов, если вы намерены передать меня в руки закона? Почему вы до сих пор не позвали свою прислугу, чтобы схватить меня? Наверное, у вас, ваша светлость, есть лакеи, готовые выполнить любое ваше приказание. Вы выглядите человеком, с которым шутки плохи.

По губам Ашборна скользнула язвительная усмешка:

– А может, я хочу для начала позабавиться с жертвой, попавшей ко мне в сети? Ну а потом можно будет передать ее в руки городского магистрата.

Сесили фыркнула:

– Чепуха. Я вам не верю. Вас заинтриговало мое неожиданное появление – вот это намного ближе к истине.

– Возможно, – согласился Рэнд, намеренно понижая тембр голоса до бархатистого звучания. – Очень заинтригован. Только вы ошибаетесь в корне: в роли воровки вы для меня нисколько не интересны, зато в другой роли даже очень.

Подойдя к ней, Рэнд не без удовольствия заметил, как потемнели ее глаза, – наконец-то она поняла, к чему он клонит. Он улыбнулся краешком рта, одновременно окидывая все ее выступающие округлости неторопливым взглядом, направленным на то, чтобы напугать, смутить или пробудить самодовольное восхищение.

Сесили хихикнула – насмешливо, кокетливо, без тени какого-либо страха.

– О, пожалуйста, только не смотрите на меня такими глазами, а то я хлопнусь в обморок прямо перед вами.

– Не понял? – Рэнд был обескуражен шутливостью ее тона, но старался ничем не выдать себя.

– Не надо так делать, – горячо проговорила Сесили. – Смотреть на меня такими похотливыми глазами с вашей стороны по меньшей мере просто неприлично.

Ее слова не только обидели его, но и раздражили в нем хищника, увидевшего перед собой добычу.

– Неужели вам безразлично мое внимание? – Он промурлыкал эти слова, словно большая дикая кошка. – Позвольте усомниться в этом.

Он протянул руку и погладил тыльной стороной по ее щеке, а затем нежно захватил пальцами ее локон.

Глаза девушки вспыхнули таким огнем, что он замер, любуясь им. Внутри нее как будто полыхнуло пламя. Его прелестная воровка в гневе оказалась еще прекраснее.

Она отвела его руку!

– Уберите руки, ваша светлость. Я не одна из ваших очаровательных кузин.

Пробудившееся в нем чувство требовало продолжения, но усилием воли Рэнд остановил свой порыв. Сжав пальцы в кулак, он застыл возле нее.

Большинство мужчин в его положении без всяких колебаний продолжили бы свои домогательства: они были наедине, она тайком прокралась в его дом, на ней был мужской наряд – проще говоря, она сама себя скомпрометировала. Более того, он чувствовал, что нравится ей, что она возбуждена, взволнована, несмотря на то, что изо всех сил пыталась скрыть это. Он мог бы без труда сломить ее сопротивление и овладеть ею.

Так почему же он медлил? Что мешало ему? О, вовсе не ее аристократические замашки и произношение. Он сам не раз убеждался: знатные леди и простые жительницы Лондона слеплены из одного и того же теста, и тем и другим присущи одни и те же слабости и желания.

Впрочем, эту девушку окружало странное облако податливости и стойкости, силы и слабости, что тоже вызывало в нем интерес, но уже несколько другого свойства. Он не мог не отозваться на него, хотя его реакция шла вразрез с голосом его плоти.

По необъяснимой для себя причине Рэнд решительно отбросил прочь все похотливые мысли. Сегодня в душе верх взяла лучшая половина.

– Что привело вас сюда?

Вопрос прозвучал более чем уместно, хотя его стоило бы задать намного раньше.

По ее напряженному взгляду он понял, что гостя усиленно размышляет над тем, что можно, а чего лучше не надо рассказывать.

– Полагаю, вы уже поняли, что я пришла сюда вовсе не с намерением вас обокрасть.

– О чем речь?! Разумеется, вы пришли сюда разузнать как можно больше о «Прометеевом клубе». Если только вы не имеете видов на мою скромную персону, – лукаво произнес Рэнд. – В последнем случае я был бы очень польщен.

Сесили испытующе поглядела на него:

– Удивительно – сколько самодовольства. Кое-кто из моих близких тоже грешит этим недостатком, но ваше самомнение чудовищно высоко.

– Да что вы говорите? Ваши близкие тоже страдают этим пороком – какое совпадение. Кто же ваши родные? Постойте, вы же говорили о том, что вы одиноки, не так ли?

Глаза Сесили гневно сверкнули:

– Хватит подшучивать надо мной. Вы прекрасно поняли, что я имела в виду, говоря о своем одиночестве. Что касается моих близких, то они принадлежат семье, которая по своему положению в светском обществе ничем не уступает вашему. А теперь выпустите меня отсюда.

Рэнду показалось – хотя это могло быть игрой его слишком богатого воображения, – что девушка чуть-чуть расправила плечи, а в ее голосе зазвучала смелость, когда она упомянула о своей семье. Девушка явно гордилась своими родными.

– Вы меня чрезвычайно заинтриговали, – признался Рэнд, мысленно перебирая всех знакомых ему герцогов, у которых, как ему было доподлинно известно, имелись дочери при-

мерно такого возраста. – Может, вы скажете, что это за могущественная семья, к которой вы принадлежите? Ответите вы на мой вопрос или нет, но я все равно узнаю, кто вы.

Сесили пристально поглядела на него, словно раздумывая, верить ему или нет. Решительно вскинув подбородок, она не без иронии сказала:

– Полагаю, это не так уж трудно сделать. Но я облегчу вам задачу. Я леди Сесили Уэструдер.

Это действительно был самый настоящий сюрприз. Она нисколько не преувеличивала. Род Уэструдеров был столь же древним и влиятельным, как и его собственный. Значит, она одна из воспитанниц герцога Монфора. Недавно две из них вышли замуж. Так какого черта ей понадобилось...

Внезапно у него перехватило дыхание. Все стало ему совершенно ясно.

– Я был знаком с вашим братом. Блестящий ум, некоторые даже считали его гением, – медленно и грустно произнес Рэнд.

– Он усмехнулся бы, услышав такой отзыв о себе, – сказала Сесили. Ее голос звучал ровно, глаза были сухими, и только легкое биение голубой жилки на шее выдавало ее переживания.

– Что верно, то верно, – отозвался Рэнд. – Он никогда не останавливался на достигнутом. Его ум не знал покоя.

Целая гамма переживаний – гордость, печаль, удивление от выраженного сочувствия и понимания – отразилась на ее лице. Искренность ее чувств тронула герцога до глубины души – давно он не испытывал такого взаимопонимания.

Вдруг Рэнду стало досадно. Мнить себя знатоком человеческих душ и так промахнуться: он всегда считал, что у Джонатана, графа Давенпорта, не было близких, что тот совершенно одинок. Но, как оказалось, у него была сестра. Отважная, умная, с острым язычком, которая бесстрашно ради брата пошла на преступление – забралась в чужой дом.

– Он посещал «Прометеев клуб», не так ли? Более того, в ночь своей смерти он был именно тут, в этом доме.

К чему она клонила?

– Да, он посещал собрания клуба, но погиб он в своей лаборатории за несколько миль отсюда. Разве вы не знали об этом?

Спохватившись, он заговорил более мягким тоном:

– Я очень сожалею. Даже не могу подобрать нужных слов, чтобы выразить вам свое сочувствие. Но это действительно был несчастный случай, который никак не связан с его посещениями заседаний клуба.

Судя по ее виду, она не очень-то поверила его уверениям. Что же ей стало известно? Может, она о чем-то догадалась?

Сесили облизнула губы:

– Мне хочется побольше узнать о вашем клубе.

– Не могу понять, с какой стати ваш брат рассказал вам о «Прометеевом клубе».

– Он ничего не говорил. Несколько недель тому назад я нашла его дневник и... –

Сесили замаялась, покраснев от смущения, – ...прочитала его.

Ашборн напрягся, а через миг испугался:

– Дневник? О чем там говорится? Как он к вам попал? Он хорошо сохранился?

Сесили слегка растерялась от такого количества вопросов.

– Он в хорошем состоянии. Почти все его содержание составляют деловые записи – время и место встреч. Там нет никаких записей личного характера.

Отвернувшись в сторону, Рэнд вздохнул с облегчением. Он быстро прошелся взад-вперед по библиотеке, пару раз запустив обе руки себе в волосы, явно пытаясь что-то сообразить.

Однако радоваться пока было преждевременно. Опасность не миновала: в дневнике могли содержаться записи, может быть, непонятные для непосвященных, но крайне важные для него.

Надо было во что бы то ни стало забрать дневник у нее, хотя бы из-за опасений за ее безопасность.

– Вы должны отдать дневник мне. Это крайне важно, вы понимаете?

Сесили недоуменно пожала плечами.

– Зачем он вам нужен? Его содержание разочарует вас – там нет ничего интересного.

– Он мне нужен по тем же самым соображениям, что и документы вашего брата, – солгал Рэнд. – Мне поручено привести в порядок весь его научный архив, он нужен его университету. Вот почему я собираю все его бумаги, какими бы незначительными они ни казались на первый взгляд.

Глаза Сесили засияли от гордости за брата. Ее обрадовала мысль, что его научные работы сохранятся для науки, для будущих поколений. И опять Рэнду стало совестно за свою ложь. Увы, это было необходимо. Ради ее безопасности. Он твердо полагал – так будет лучше.

– Понятно. В таком случае я, конечно, передам вам его дневник. Но, ваша светлость, мне бы хотелось узнать чуточку больше о «Прометеевом клубе». Неужели это такой большой секрет?

– Тут нет никакого секрета. – Рэнд широко раскинул руки, как бы показывая, что у него нет никаких тайн от нее. – Если вы надеялись увидеть черные плащи и кинжалы, то я разочарую вас: «Прометеев клуб» всего лишь встреча ученых мужей, изобретателей, философов, которые собираются раз в месяц, чтобы обменяться мыслями, поделиться мнениями, рассказать о своих открытиях и, конечно, поспорить.

Секунды тянулись невообразимо медленно, пока Сесили молча и сосредоточенно переваривала сказанное им. Ее ясные глаза, пытливый взгляд вызвали у него странное, не очень приятное ощущение, что она, несмотря на свою молодость, не так проста и доверчива, чтобы ее можно было просто обвести вокруг пальца.

– Похоже на правду, – наконец произнесла она. – Учитывая то, что мне известно о брате и моем... м-м-м... другом знакомом, который также является членом этого клуба, ваше объяснение звучит правдоподобно. – Сесили прищурилась. – Но ведь вы сказали мне далеко не все, не так ли? Кое-что утаили, разве не так?

– Может быть, – ответил Рэнд, стараясь не показать вида, что он слегка встревожен. – Но, поверьте мне, это никак не относится к вашему делу.

– Но ведь бумаги Джонатана у вас. – Сесили проявляла настойчивость. – Графиня Давенпорт недавно сказала мне, что отдала вам все бумаги брата сразу после его смерти. – Чуть помедлив, она спросила: – К вам могла попасть личная переписка, представляющая интерес исключительно для близких Джонатана. Мне бы хотелось получить ее обратно.

– Посмотрим. Может быть, я смогу кое-что сделать для вас, – отозвался Рэнд. Просьба Сесили выглядела естественной, даже невинной. Сестра хочет оставить у себя кое-что на память о брате – в этом не было ничего странного.

Сестра Джонатана... теперь-то он знал, кто она. По какой-то необъяснимой причине ее присутствие в его доме, а также мужской костюм волновали его.

Кашлянув, Рэнд произнес:

– А теперь вы должны оплатить мне за те сведения, которые я вам предоставил, и позволить мне проводить вас до вашего дома.

Слегка растерявшись, Сесили смущенно пробормотала:

– Хорошо, я не против.

Рэнд отказывался верить собственным ушам. Она согласилась? Без возражений? Он быстро взглянул ей в лицо. Неужели она настолько хитра и сообразительна, что, признав свое поражение, пошла на попятную? Раскусив леди Сесили Уэструдер, он не сомневался, что причина ее уступчивости кроется вовсе не в мягкости и податливости ее характера.

Еще не решив, как ему быть дальше, он позвонил в колокольчик, вызывая прислугу. Впрочем, одно ему было совершенно ясно: они должны встретиться, нельзя позволить ей исчезнуть навсегда из его поля зрения.

– Давайте все обсудим в более подходящей обстановке.

Ее глаза задорно блеснули:

– Я не оставляю вас в покое до тех пор, пока вы не расскажете мне обо всем. А вы, как мне кажется, собираетесь стать новой Шехерезадой и каждый раз при встрече со мной будете плести словесную паутину, чтобы удержать меня возле себя.

Он криво усмехнулся:

– Что-то вроде этого. Впрочем, мои намерения не столь чисты и беспорочны, как вы полагаете.

Не без тайного удовольствия он заметил, как ее глаза широко раскрылись то ли от испуга, то ли от удивления. Все-таки ему удалось смутить ее, сбить с нее излишек самоуверенности.

Но вдруг Рэндом овладело какое-то непонятное внутреннее раздражение. Его разозлила собственная глупость и грубость: угрозы физического насилия, запугивания, пущенные им в ход, ничуть не испугали леди Сесили Уэструдер, тогда как один лишь легкий намек на амурные дела выбил ее из равновесия. И над этим стоило призадуматься.

Между тем его прекрасная, но незваная гостья укуталась в плащ и натянула поглубже капюшон на голову, а Рэнд спрятал подальше ее парик. Как только вошел слуга, ему было велено немедленно подать карету к входу.

Во время ожидания экипажа Рэнд продолжал расспрашивать Сесили, но та ловко уходила от заданных вопросов, ничего не говоря о себе. Она с такой же твердостью не хотела делиться с ним сведениями о себе, как он сведениями о «Прометеевом клубе».

Творилось нечто невероятное: для того чтобы быть поближе к леди, ему приходилось торговать информацией. Прежде все было иначе. Больше всего сил у него отнимало как раз не сближение, а расставание: приходилось искать наилучший способ, чтобы вырваться из объятий очередной красотицы, после того как любовная связь с ней ему надоедала.

Сейчас все было иначе... Сесили Уэструдер не пугало его обращение с ней, на нее также не произвел никакого впечатления его титул. Она была, по ее же собственным словам, новичок, но не в том смысле, какое она вкладывала в это слово. Дело в том, что он увлекся ею, сразу и очень сильно. Такого с ним прежде никогда не было.

Когда ему чего-нибудь хотелось, он шел к своей цели настойчиво, решительно и упорно. Леди Сесили Уэструдер не стала исключением. Сперва он овладеет дневником, а потом, что намного приятнее, добьется и ее расположения.

Пока они шли к карете, в его голове возникали всевозможные планы, один лучше другого.

* * *

Сесили хорошо запомнила то ошеломляющее впечатление, пусть и мгновенное, которое оказало на герцога Ашборна ее имя. Идя вместе с ним к карете, она мысленно с наслаждением все время возвращалась к этому воспоминанию.

Это был пустячок, но чрезвычайно приятный. Впрочем, она не могла отдаться полностью этому маленькому удовольствию: мешало то, что он шел подле нее, причем настолько близко, что это невольно оказывало на нее давление.

Хотя до особняка герцога Монфора было рукой подать, Рэнд настоял на том, чтобы проводить Сесили до дверей дома. Лондонские улицы вместе с ночным мраком источали угрозу, и она, несмотря на свои возражения, не могла не признать, что рядом с ним находилась в большей безопасности, чем если бы шла домой в одиночку.

Молва приписывала Ашборну недюжинную силу, ловкость и умение постоять за себя. Широкие плечи и самоуверенность отбрасывали прочь какие бы то ни было сомнения в справедливости этих слухов, более того, множество способностей герцога вызвали искреннее удивление.

Любопытно, каково чувствовать себя едва ли не совершенством почти во всем? Прискучить это вряд ли могло; скорее всего, для герцога Ашборна, добивавшегося всего почти играючи, это вошло в привычку. Об этом можно будет спросить его во время их встречи.

Сесили нахмурилась: встречаться с герцогом Ашборном было опасно – не такой он безобидный человек. Если бы не то злополучное письмо, она сторонилась бы его, словно прокаженного.

Молчание затянулось. Ашборн первым прервал его:

– Думаю, кое-какие бумаги вашего брата лежат на чердаке моего загородного дома. Я пошло за ними.

Стараясь не показать своей радости, Сесили как можно спокойнее проговорила:

– Буду вам очень признательна. А когда я смогу получить их?

– В следующую пятницу я устраиваю бал-маскарад. Там нам будет удобнее всего укрыться от посторонних глаз.

– Герцог Монфор решает, какие развлечения мне можно посещать, а какие нет, – ответила Сесили, искоса поглядывая на своего спутника, и добавила: – Его светлость не одобряет посещение маскарадов дебютантками.

Особенно такими своенравными, как Сесили. Ашборн с любопытством поглядел на юную девушку. Его глаза сияли в темноте мягким светом.

– Внутренний голос мне подсказывает, что если вам чего-то захочется, то вы непременно добьетесь своего. Независимо от того, будет на то согласие вашего опекуна или нет.

Учитывая ее противозаконное проникновение в его дом, замечание Рэнда звучало не только убедительно, но и язвительно.

– Как бы то ни было, я не смогу быть на маскараде, поэтому...

Он взял ее за руку, и Сесили запнулась. Прикосновение его горячей и твердой руки было настолько властным, что она растерялась.

– Что вы себе позволяете, сэр?

Однако ее голос, хоть в нем и слышалось возмущение, звучал на удивление слабо и совсем не убедительно. Как это ни странно, но Сесили не могла заставить себя оттолкнуть его руку.

Он молча поднял ее ладонь и поцеловал, едва коснувшись губами, ее пальцы. Несмотря на легкость, почти воздушность, его прикосновение действовало очень сильно. Внутри у Сесили что-то вспыхнуло, по жилам побежал огонь, захватил ее сердце, далее прошел спиралью вниз – до кончиков пальцев на ногах. Сесили зарделась и вздохнула.

Целуя, он не отвел от лица Сесили глаз и заметил ее реакцию. Его торжествующий взгляд не ускользнул от ее внимания. Вдруг его лицо приобрело твердое и решительное выражение.

– Как бы там ни было, – он слегка надсмехался над ней, – придется вам призвать на помощь всю вашу хитрость и найти способ попасть на маскарад.

Слова Рэнда задели ее. Его близость, самоуверенность, взгляд, полный превосходства, подавляли, подчиняли волю Сесили. В этот миг она поняла, почему мужчины, по слухам, послушно выполняли все предложения Ашборна. И почему женщины, расталкивая друг друга, стремились залезть к нему в постель.

Сесили с трудом отняла свою руку, что, впрочем, оказалось проще, чем вернуть самообладание. Куда только подевались ее бойкость и остроумие? В ее голове была такая путаница, что она не могла придумать ничего кокетливого или колкого, чтобы вывернуться из неловкого положения.

– Я не стану делать то, о чем вы меня просите.

Она сама поразилась, насколько робко и неуверенно прозвучал ее отказ. Всего лишь один поцелуй, легкий поцелуй руки, произвел внутри ее такое смятение...

Вдруг Сесили встрепенулась, она вспомнила о своей помолвке, и тут же у нее неприятно засосало под ложечкой. На душе стало тяжело и противно. Как ужасно она себя ведет – словно обычная лондонская потаскушка. Хуже того, словно дура, сразу расклеившаяся от пустяшного поцелуя Ашборна, который, видимо, решил испробовать на ней свои навыки обольщения.

И точно дура. Сесили искала повод не идти на маскарад, тогда как он лежал у нее под носом: она помолвлена с Норландом. Странно, почему она до сих пор как-то забыла о своей помолвке.

Да, Ашборн очень, очень опасен. Однако слишком много вопросов мучило ее своей неразгаданностью. Зачем Ашборну понадобились бумаги брата? Почему именно он, а не какой-нибудь родственник или знакомый, первым принес известие о смерти брата? Но больше всего ее волновала судьба того самого злосчастного письма.

Спрашивать его напрямик было и глупо, и опасно. «Лучше такой разговор вести в другом месте и в другое время, – рассудила Сесили, – это удержит его от предосудительных действий, а меня избавит от неловкого положения». Но если сейчас подобная беседа была неуместной, то на маскараде тем более.

На маскараде могло случиться все, что угодно. Для того чтобы понять, какими неприятностями чревата анонимность, не нужны были наставления герцога Монфора.

Как знать, не вызван ли интерес Ашборна к ней исключительно дневником брата. Если это так, то она могла бы отдать дневник, ведь в нем не содержалось никаких личных или каких-то других ценных сведений. Может быть, получив дневник, Ашборн сразу утратит к ней интерес. Это было бы просто замечательно.

Прежде чем герцог успел выкинуть еще какой-нибудь хитрый трюк, карета остановилась.

– Вот мы и приехали, – не скрывая своей радости, сказала Сесили. Ей сразу стало так легко, как будто у нее с души свалился камень.

Запахнувшись поглубже в длинный плащ, скрывавший вместе с мужским нарядом скандальность ее поступка, она поблагодарила своего спутника:

– Всего доброго, ваша светлость. Большое вам спасибо, что довезли меня до дома.

Будь у нее побольше мужества и силы духа, она пожала бы ему на прощание руку, но рядом с Ашборном она чувствовала себя слабой, как никогда прежде. Пойти на такой риск она не смогла.

Неожиданно для самой себя она произнесла:

– Я отдам вам дневник, но не на маскараде. Меня там не будет. Придумайте лучше какой-нибудь иной способ.

– Вы недооцениваете себя, леди Сесили. Мы обязательно увидимся на маскараде. Только не переусердствуйте и придите на него в платье.

Карета тронулась, а бархатистый тембр его голоса еще долго звучал в ее ушах, отдаваясь эхом в сердце.

Глава 4

Розамунда нашла Сесили в длинной галерее. Та пыталась увлечь игрой в мяч их старую верную Офелию, собаку из породы датских догов. Мяч, несколько раз подпрыгнув, закатился под изящную кушетку, а Офелия так и осталась лежать у камина, легонько повизгивая.

– М-да, положение явно безнадежное. Похоже, ее дни сочтены, – грустно заметила Розамунда. Подойдя к Сесили, она взяла ее за руки и поцеловала в обе щеки.

– Видимо, ты права, – вздохнула Сесили, с грустью глядя на огромную поседевшую собаку, бессильно распластавшуюся на полу. – Бедняжка. Как ты думаешь, сильно она страдает?

Розамунда грустно усмехнулась:

– Не знаю. Я лишь вижу, что она почти все время спит.

– Да, верно. Спит-то она спит, но ей нравится, когда рядом с ней дорогие ей люди. А я в последнее время почти забыла о ней.

Сесили достала мяч из-под кушетки и, нагнувшись, подала его Офелии. Огромная собака сжала зубами поданную игрушку и в знак признательности тихо застучала хвостом об пол. Но вскоре Офелия опять погрузилась в старческую дремоту, удерживая мячик в своей огромной пасти. Бедное животное очень напоминало запеченного целиком молочного поросенка, поданного на блюде к столу.

Как хорошо, что Розамунда заглянула в особняк Монфора, их родительский дом. Последнее время Сесили неотвязно преследовали мысли о герцоге Ашборне, и даже старая Офелия, верный друг ее детских игр, не могла отвлечь хозяйку. Приятное общество жизнерадостной Розамунды как раз было тем лекарственным средством, которое должно было помочь Сесили избавиться от излишне навязчивых душещипательных размышлений.

– Отчего ты такая грустная? Развлекайся и наслаждайся как можно больше, – посоветовала кузине Розамунда. – Не за горами тот день, когда Норланд увезет тебя в провинцию, чтобы запереть в своем доме.

– Почему-то не хочется. О, да у тебя новая шляпка? – Сесили слегка оживилась, внимательно рассматривая очаровательную светлую шляпку, которая очень шла к золотистым волосам кузины.

Розамунда не очень обрадовалась перемене темы, но не стала возвращаться к прежней:

– Тебе нравится? Только честно. Ты ведь знаешь, как я высоко ценю твой вкус.

– В таком случае тебе не следовало бы покупать ее без меня, – упрекнула ее Сесили, еще внимательнее приглядываясь к шляпке. – Повернись кругом.

Розамунда молча повиновалась, грациозно, как балерина, повернувшись вокруг своей оси.

– Почти безупречно, – сказала Сесили. – Вот только... Ты позволишь?

Она подошла вплотную и ловко вырвала из кучи перьев одно, по ее мнению, лишнее, а потом чуть иначе завязала ярко-желтые ленты под подбородком Розамунды.

– Вот так.

– Благодарю, моя прелесть, – отвечала Розамунда, беря в руки вырванное перо. – А теперь скажи, ты не против, если мы с тобой немного проветримся? Я хочу посетить Британский музей. Сегодня очень подходящий день, сыро и ветрено.

– Как же мне не везет. – Сесили едва не застонала, так она расстроилась. – С минуты на минуту я ожидаю прихода моего жениха и его матери. Они приглашены на чай.

На лице Розамунды возникло такое непритворное выражение комичного ужаса, что Сесили невольно улыбнулась.

– Ты им рада точь-в-точь, как и я. Они уже здесь и должны вот-вот появиться. Уходить уже поздно.

Розамунда быстро взглянула на часы:

– Как знать? Думаю, если воспользоваться лестницей для прислуги, то я с ними не пересекусь.

– Нет, нет. Дорогая, неужели ты бросишь меня в столь тяжкий час? Прошу, Розамунда, останься. Ну пожалуйста! – Сесили схватила кузину за руки и увлекла за собой в глубь галереи.

– Но его мать просто невыносима. А он такой... – Розамунда замялась и покраснела, хотя Сесили прекрасно знала, что думает кузина о герцоге Норланде.

– Неуклюжий? Неловкий? При взгляде на него зубы сводит от скуки, не так ли?

– Вот именно, – горячо воскликнула Розамунда. – Он такой безликий, словно кусок глины. Из него можно лепить все, что захочешь.

– Ты абсолютно права, дорогая, – согласилась с ней Сесили. – Но именно это делает его особенно привлекательным в моих глазах.

– Да-да, образ твоих мыслей мне известен, – проговорила Розамунда. – Но послушай меня, моя дорогая, это не тот мужчина, который способен сделать тебя счастливой. Я убеждена в этом. Прежде всего, он намного старше тебя.

– Ему всего лишь немного за тридцать! – Сесили возмущенно вскинула руки. – Вы все ведете себя так, как будто я выхожу замуж за Мафусаила.

– Ну да, ну да, у него всего лишь небольшая лысина на макушке да маленький животик спереди, – с мягкой насмешкой заметила Розамунда. – А так жених хоть куда.

– Никогда не подозревала в тебе, дорогая, подобной игривости в мыслях.

Сесили также захотелось уколоть Розамунду, указав ей, что ее муж тоже не писанный красавец. Однако Гриффин, граф Трегарт, в отличие от герцога Норланда, был воплощением настоящего мужчины – буквально излучал мужественность и силу, чего и в помине не было у бедного Норланда.

Однако Сесили не стала накалять атмосферу.

– Так-так, а как быть с чувством долга и чести? Что ты скажешь по этому поводу?

Розамунда нахмурилась:

– Я вовсе не собираюсь говорить, что разрывать помолвку – дело благородное, особенно по прошествии стольких лет. Но с другой стороны, возмутительно, что ты должна будешь подчиняться...

Розамунда запнулась. Закусив губу, она огляделась по сторонам, словно желая убедиться, что их никто не услышит.

– Я не могу себе представить, как ты будешь терпеть его ухаживания.

– Что за чепуха, – ответила Сесили. – Ты делаешь из мухи слона. Начнем с того, что я вовсе не обязана ничего терпеть. Норланд останется в провинции и будет с увлечением заниматься тем, что ему больше всего интересно: инфекционными болезнями или еще чем-нибудь. А я буду жить в Лондоне. Мы будем жить раздельно. Мы обо всем уже договорились, так что наш брак устраивает нас обоих как нельзя лучше.

Раньше она ни разу не делилась столь откровенно с кузиной своими планами на будущее, так что удивление Розамунды было вполне понятно.

– А как же с интимными делами? Ведь каждый муж хочет спать в постели со своей женой.

– Исключено, – отрезала Сесили. – От прошлого брака у него два сына, так что наследник у него уже есть. Кроме того, у Норланда есть любовница. И он не намерен бросать ее. Так с какой стати ему приставать ко мне?

После продолжительной паузы Розамунда не без радости произнесла:

– Какое счастье, что мой долг не расходится с моими желаниями и наклонностями. Передо мной никогда не стоял подобный выбор.

– Передо мной тоже, – ответила Сесили. Она похлопала Розамунду по ладони, взяла за руку и увлекла следом за собой, вынуждая ее пройти вместе с ней по галерее.

– Норланд, возможно, скучноват, но из него получится замечательный муж. Особенно если принять во внимание те цели, которые я преследую.

Розамунда вырвала руку.

– Сесили, ты упрямо не хочешь меня слушать. – Розамунда замялась. – Я хочу... мне хочется, чтобы ты по-настоящему влюбилась.

Сесили едва не закатила глаза в притворном ужасе:

– Как приятно это слышать. Я прекрасно понимаю тебя: ты настолько счастлива в браке, что тебе хочется превозносить любовь и семейное счастье. Вы с Джейн в один голос поете об одном и том же, но я не похожа на вас. Ты же знаешь, у меня нет ни капли сентиментальности. Вот поэтому я прекрасно полажу с герцогом Норландом.

В будущем Сесили хотела жить так, как ей хочется, – свободно, не стесняемая никакими ограничениями, но и не переступая дозволенных границ для слабого пола. Давным-давно она решила, что судьба, которую ей уготовили родители, вполне ее устраивает. Титул герцогини позволял не только жить в свое удовольствие, но и пользоваться большим влиянием и привилегиями. Сесили, будущая герцогиня Норланд, решила этим воспользоваться, но не столько ради себя, сколько на благо тех многих несчастных женщин, судьба которых сложилась не так удачно, как ее собственная.

Разумеется, даже герцогине некоторые проступки тоже не могли легко сойти с рук. Но поскольку большую часть этих прегрешений совершали презренные распутные женщины, вроде Лавинии, вместе с такими же жалкими распутниками, то с этой стороны Сесили считала себя неуязвимой.

– Дорогая, полюбив кого-нибудь, ты не станешь слабее, – ласково сказала Розамунда.

Сесили передернула плечами с видом, мол, мне это не за чем. О, как она ненавидела это чувство сожаления в небесно-голубых глазах Розамунды. В какой-то миг ей даже захотелось ударить кузину, причинить ей боль точно так же, как та сделала больно ей, Сесили.

Однако она быстро подавила внутри себя это чисто детское желание. Ведь Розамунда не хотела ее обидеть, а сама Сесили никогда не пошла бы на то, чтобы сознательно причинить боль самой близкой подруге.

Впрочем, так было не всегда. После кончины брата Сесили отчаянно боролась с дружбой, которую предлагали ей кузины и кузены Уэструдер. В то время Сесили держалась обособленно, была очень раздражительной и вспыльчивой, капризничала, с ней не было никакого сладу.

Но даже в самые худшие минуты ни Розамунда, ни Джейн, ни мальчики никогда не оставляли ее наедине со своим горем. Они дразнили ее, приставали, шутили, словно она была настоящим членом их семьи, одаряя в редкие драгоценные мгновения теплом доброты и отзывчивости. Небольшая группа привилегированных детей, крепко державшихся друг за друга, так как не было больше никого в мире, кто любил бы их, кто относился бы к ним с теплом и лаской.

Они с Сесили были одной плоти и крови. Они были единственными людьми на свете, которых она беззаветно любила. Казалось, что их соединяли неразрывные узы. Если и было на свете что-то, во что она верила и на что могла безоговорочно положиться, то это, вне всякого сомнения, крепость родственных уз. Сесили верила только им и герцогу Монфору.

С привычной беззаботностью она пожала плечами.

– Если я полюблю, то не позволю, чтобы кто-то имел надо мной безграничную власть, над телом и душой. Розамунда, я слеплена из иного теста, это не для меня.

– Как интересно, почти то же самое говорила мне Тибби утром в день нашего венчания с Гриффином. – Розамунда запнулась. – Действительно, многие мужья требуют от жен слепого повиновения. Но неужели ты думаешь, что Гриффин меня тиранит? Какой вздор! То же самое с полным правом можно сказать о Константине и Джейн.

Горячая речь Розамунды не произвела на Сесили никакого впечатления. В глубине души она считала счастливые браки ее кузин своеобразным видом взаимного рабства, но подобные, не лишенные оригинальности мысли, как известно, лучше всегда держать при себе.

Прежде чем Сесили вспомнила одну из тех фраз, которые у любого должны быть заготовлены в подобном случае, их разговор прервал дворецкий, объявивший о приходе гостей.

Сесили торжествующе посмотрела на кухню.

– Ты провел их в гостиную, Уилсон? Да? Благодарю. Передай, что скоро леди Трегарт и я пройдем к ним.

– Негодница, – с веселым возмущением воскликнула Розамунда. – Попомни мои слова: когда ты будешь менее всего готова, я отплачу тебе тем же.

Обычно Сесили без особого интереса относилась к почти еженедельным визитам ее жениха, но сегодня все обстояло иначе. Ей не терпелось попытать Норланда насчет «Прометеева клуба», вывести у него все, что только возможно.

Эта мысль возникла у нее, когда она, проснувшись рано утром, никак не могла уснуть, неотступно думая об Ашборне и о предстоящей встрече с ним.

– Ваша светлость, как я рада видеть вас, – радостно сказала Сесили, идя навстречу ему. – Как ваши дела?

Норланд, высокий мужчина с бочкообразной грудью, белокурыми волосами и белой кожей в целом производил приятное впечатление. Редящие волосы открывали спереди широкий выпуклый лоб: весьма подходящая кубатура для научных занятий. Хотя Розамунда была права – у Норланда действительно был небольшой животик, но Сесили не была бы его невестой, если бы обращала внимание на подобные недостатки.

– Леди Сесили, мое почтение. – Норланд поклонился, резко и низко, словно собираясь нырнуть в воду. Повернувшись в сторону Розамунды и Тибби, он отвесил им обоим такой же глубокий поклон.

Раньше Сесили не обращала на это внимания и только сейчас заметила, как сухо, формально они, будучи уже давно помолвленными, приветствуют друг друга. Впрочем, она сама не поощряла его к большей нежности: чтобы он целовал ей руки, да и вообще чтобы целовал ее при встрече.

При одном воспоминании о поцелуе в карете у нее словно огонь пробежал по жилам, быстрее и сильнее забилося сердце. Боже, да когда это кончится?! Раздраженная тем, что Ашборн все время влезал в ее мысли, она запретила себе думать о нем.

В отличие от Ашборна ни голос, ни прикосновения Норланда не оказывали на нее никакого воздействия: ей не делалось жарко, а сердце по-прежнему билось ровно и спокойно. Именно это нравилось в нем Сесили, совершенно устраивало ее.

Норланд равнодушно улыбнулся и устремил свой взгляд за спину Сесили, словно увидел там что-то более интересное.

Сесили обернулась, думая, что его внимание привлекла златовласая Розамунда, в конце концов, Норланд был мужчиной, и его могла привлечь красота ее кузины. Однако она ошиблась. Взгляд Норланда был устремлен на Тибби, которая что-то шила, склонив низко голову над рукоделием.

Сесили незаметно улыбнулась. Норланд явно предвкушал интеллектуальный диспут с ее бывшей гувернанткой. Сегодня Тибби держалась позади, видимо, памятуя о ее светлости, матери Норланда, которая считала, что компаньонки должны знать свое место.

Вот тут-то Сесили решила, что надо при первой же удобной возможности подключить Тибби к беседе.

– Не хотите ли присесть, ваша светлость? – любезно спросила Розамунда.

– Нет, пока нет. Сейчас должна сюда пожаловать моя матушка. Мне надо убедиться, что с ней все в порядке.

Обмен такого рода любезностями происходил до тех пор, пока не послышался грузный топот на лестнице, – предвестник приближения матери Норланда.

Герцогиня Норланд вошла в гостиную, бережно поддерживаемая с обеих сторон двумя крепкими слугами. Почтительно склонившись в реверансе, Сесили спросила:

– Как поживаете, ваша светлость? Вы доставили нам большую радость, приняв наше приглашение.

Пойманная на удочку собственной жалости во время прежних визитов герцогини, на этот раз Сесили не собиралась больше потакать будущей свекрови, выслушивая ее жалобы и сетования на жизнь.

Герцогиня была очень грузной и крайне раздражительной особой, обычно она любила полулежать на софе или диване, держа в одной руке тарелку с винегретом, а в другой – нюхательную соль. Она была сплошным кошмаром, ужасом для своей семьи, особенно для старшего сына: несмотря на свою вялость, она железной рукой управляла родовым поместьем и всем герцогским состоянием.

После того как Норланд шепнул ей по секрету, что, несмотря на вечные жалобы, здоровье у его матушки хорошее, Сесили с трудом выносила сетования герцогини на мнимые недомогания. Она никак не могла взять в толк, зачем весь день стонать и жаловаться, когда для этого не было ни малейшего повода.

– Присаживайтесь, пожалуйста. – Сесили указала на пару кресел, удобно расположенных возле окна. – Я сейчас прикажу, чтобы подавали чай.

– Вы в своем уме, милочка? – слабым голосом проговорила герцогиня. – Если я сяду возле окна, – а там наверняка огромные щели и сквозняк, – то непременно простужусь и умру. А вам, видимо, только того и надо. Поближе к камину, – резко бросила она слугам, которые не знали, куда ее вести. – Норланд, разведи огонь, здесь так холодно, словно в пещере. – Она притворно шмыгнула носом. – И сыро в придачу.

Намеренную клевету по поводу гостиной, изящно обставленной и очень удобной, Сесили снесла не моргнув глазом, но повелительный тон в обращении с собственным сыном, словно тот был лакеем, возмущал ее до глубины души.

Но Норланда, по-видимому, это нисколько не задевало. Более того, он тут же послушно встал перед камином на колени и принялся разжигать и раздувать огонь с помощью особых мехов.

Когда он нагнулся, в глаза сразу бросилась лысина, прикрытая редующими рыжеватыми волосами. От усилий разжечь огонь эта лысина покраснела, а потом, когда он помогал матери усесться возле камина, от натуги покраснел весь Норланд.

Он был хорошим сыном. Несмотря на то что не верил в плохое здоровье матери, он делал вид, что верит, и потакал всем ее прихотям.

Как всегда тактичная, Розамунда поспешила на выручку:

– Вы себя неважно чувствуете, ваша светлость? Делать визиты – вещь утомительная, не правда ли?

Хмурое лицо герцогини просветлело. Она похлопала Розамунду по руке:

– Вы очень хорошая девочка, леди Трегарт. Как бы мне хотелось иметь вас своей дочерью.

Проще говоря, она хотела, чтобы ее невесткой была Розамунда, а не Сесили.

Сесили не смогла удержаться и притворно закатила глаза, глядя на Норланда. Она слишком поздно поняла свою ошибку, так как он покраснел и опустил глаза от неловкости.

– Мама, пожалуйста.

Желая выручить его, Сесили указала на диван:

– Не хотите ли присесть, ваша светлость? Я велю подать чай.

Вдовствующая герцогиня издала душераздирающий стон:

– Чай? Вы что, хотите меня отравить, милочка?

Сесили нахмурилась, с ее языка точно сорвалась бы какая-нибудь колкость, если бы не поспешно вмешавшаяся Розамунда.

– Может быть, отвар из ромашки вам будет больше по вкусу? Ромашка, возможно, снимет ваше недомогание, ваша светлость?

– А может быть, поссет, сладкий горячий напиток из молока и вина? – приторно сладким голосом предложила Сесили. – Или горчичная ванна? Или настойка опия, чтобы снять боль?

Сесили не жаль было ничего, даже целой бутылки с настойкой опия.

Герцогиня закрыла глаза и вся сморщилась, как будто один лишь голос Сесили причинял ей страдания.

– Отвар из ромашки будет лучше всего. Благодарю вас, леди Трегарт.

Пока ее добросердечная кузина суежилась возле герцогини, Сесили присела рядом с Норландом с целью расспросить его.

– Знаете, – возбужденно зашептала она, – герцог Монфор приобрел для своей коллекции растений удивительный гриб. Очень редкий. Не хотите ли взглянуть?

Сесили почувствовала, как Норланд тут же напрягся. Приманка сработала. Он отреагировал так, как отреагировало бы большинство мужчин, если бы она предложила им взглянуть на ее подвязки. От одного лишь упоминания о любимой им ботанике Норланд загорелся сразу. Его любопытство было очень возбуждено.

– Неужели?! Я и понятия не имел, что Монфор интересуется грибами.

Сесили помахала рукой, как бы показывая, что для нее в этом нет ничего удивительного.

– Его светлость обожает грибы.

«Особенно вместе со сливками и приправленные бренди», – подумала она.

– Коллекция в оранжерее. Не хотите ли пройти туда?

Норланд запыхтел от возмущения:

– В оранжерее, вы говорите? Это никуда не годится. Грибы следует держать в темном прохладном месте, подальше от света.

– О, он же их не выращивает, – попыталась вывернуться Сесили. – Их поместили в горшок, чтобы смотреть на них.

Держат ли грибы в горшках? Она понятия не имела об этом. Впрочем, какое это имело значение? Ни горшка, как и грибов, не было в помине. Забивать себе голову такой чепухой Сесили не собиралась.

Покачивая головой, Норланд сказал:

– Да, посмотреть надо. Может быть, я смогу посоветовать Монфору, как лучше всего хранить редкие грибы.

– Как вы любезны! – Сесили оживилась. – Герцог будет вам премного благодарен. Итак, идем.

У Норланда был вид ребенка, которому обещали подарить новую игрушку.

– Интересно, куда это вы направились? – окликнула их герцогиня.

Судя по испуганным глазам Розамунды, ей это тоже не было безразлично. Сесили умоляюще взглянула на нее и получила в ответ понимающий, раздосадованный и очень крас-

норечивый взгляд, который как будто говорил: «Я тебе это попомню, заплатишь ты мне за все». Но Сесили была согласна на что угодно.

– Матушка, леди Сесили хочет показать мне образцы новых растений, – невозмутимо объяснил Норланд. – Миледи, ведите меня.

Едва не рассмеявшись, она послушно пошла вперед.

– Леди Сесили, я очень рад, что могу поговорить с вами с глазу на глаз, – вдруг промолвил Норланд, когда они отошли подальше от гостиной. – Мне хочется кое о чем вас спросить, точнее предложить. Меня интересует ваше мнение... гм-гм...

Сесили удивилась:

– Говорите, я слушаю вас.

– Вы последняя из всех кузин Уэструдеров, кто выходит замуж. И тут мне в голову пришла мысль, что Тибби... гм-гм... мисс Тиббз, так будет правильнее... – Норланд запнулся и пару раз откашлялся. – Вот я и подумал, что после вашего замужества мисс Тиббз вряд ли захочет искать место гувернантки в другом месте. Как вы полагаете, не захочет ли она остаться вместе с вами после того, как мы поженимся?

Сесили на миг задумалась.

– Какая чудесная мысль, Норланд! Мне она очень нравится. Я об этом никогда не задумывалась, потому что Тибби не раз говорила, что после моего замужества она переедет к своей сестре в Кембридж. – Сесили слегка пожала руку Норланду. – Я и не знала, что вы такой добрый. Даже если она не согласится, ей все равно будет приятно услышать столь великодушное предложение.

Столь откровенная похвала смутила Норланда. Покраснев, он забормотал:

– А не могли бы... вы сделать ей это предложение? Мне кажется, лучше, если оно будет исходить от вас.

– Я завтра же переговорю с ней, – пообещала Сесили.

Когда они пришли в оранжерею, Сесили остановилась, собираясь с духом.

– Я так же, как и вы, хочу поговорить кое о чем крайне важном для меня.

Норланд взглянул ей в лицо, затем быстро оглянулся по сторонам. Улыбнувшись, он спросил:

– Как я понял, разговор пойдет не о грибах.

Рассмеявшись, Сесили кивнула. Норланд приятно удивил ее своим добродушным чувством юмора. Оказывается, он мог быть очень милым, когда отвлекался от нудных рассуждений.

– Нет, не о грибах, – призналась Сесили. – С моей стороны это была уловка, надеюсь, вы простите меня за эту невинную хитрость.

– Разумеется, хотя мне немного жаль. Так о чем вы хотели поговорить со мной, леди Сесили? Может, вы пересмотрели свое решение, а? Ну что ж, официально пока еще ничего не было объявлено. Еще не поздно отменить нашу помолвку.

– Боже мой, конечно, нет! – воскликнула Сесили, сразу став серьезной. – Ничего подобного у меня даже в мыслях не было. Я хотела попросить вас вот о чем. Это несколько необычная просьба.

Норланд насторожился:

– Просьба? Буду рад вам услужить, леди Сесили.

Приняв самый простодушный вид – если бы Норланд знал Сесили получше, как ее кузины, то сразу бы понял, что ничего хорошего его не ждет, – она сказала:

– Мне хотелось бы узнать побольше о «Прометеевом клубе».

Норланд замер, затем как бы удивленно переспросил:

– О «Прометеевом клубе»?

Он явно хитрил, делая вид, что не понимает, о чем идет речь.

Не дав ему опомниться, Сесили быстро продолжила:

– Да. Мой брат посещал этот клуб, вам, конечно, известно об этом. Я прочитала его дневник, и там он упоминает также и вас.

Это была ложь. Но не могла же Сесили признаться, что ночью тайком была у дома Ашборна и узнала Норланда по его характерному смеху.

– В его дневнике? – Норланд растерялся, отпираться дальше было бесполезно. – Да-а, так получилось, что я состою его членом. Впрочем, не могу понять, зачем вам сдался этот клуб.

Сесили отчаянно бросилась вперед:

– Не могли бы вы, ваша светлость, взять меня вместе с собой на одно из собраний этого клуба?

Норланд отшатнулся, словно она вlepила ему пощечину.

– Конечно, нет.

Сесили растерянно смотрела на жениха, на его лицо, полное решимости. Это новое для нее выражение обескуражило ее. Таким твердым и неприступным она никогда не видела его раньше. Куда только девалась его мягкость, проявленная при общении с матерью? Прояви он ее, его жизнь могла бы стать намного легче и приятнее.

Сесили не могла поверить собственным ушам: он отказал ей в просьбе, почти пустяковой.

– Но почему... что такого в...

Нетерпеливо потрянув головой, он словно отрезал:

– Членами «Прометеева клуба» являются лишь ученые и философы. Мы обсуждаем новые идеи, разные изобретения. Вам это нисколько не интересно, но для нас... – Несколько высокомерно он закончил: – Кроме того, вы там ничего не поймете.

Столь пренебрежительное отношение было очень обидным, но Сесили не поддалась этому чувству – она была слишком хитра. Как можно спокойнее она спросила:

– С чего вы взяли, Норланд, что я ничего не пойму? Помнится, раньше вы никогда не расспрашивали о моих интересах, равно как и о моем образовании.

– Ха! Оборки, кружева, прочая мишура. Разве не это составляет весь круг интересов юных леди?

Сесили так разозлилась, что едва не вышла из себя, но вовремя спохватилась. Ей уже приходилось сталкиваться с подобным предубеждением против женского ума, и на собственном горьком опыте она убедилась, что горячность до добра не доведет.

– Наука, прогресс, передовые идеи для меня не пустой звук, я интересуюсь ими в меру своих возможностей, – как можно спокойнее сказала Сесили. – Да, я не получила систематического образования, но, поверьте мне, я далеко не так невежественна, как вы думаете. Сами посудите, разве может сестра Джонатана быть светской куклой? Если я не щеголяю своей ученостью, как это делают синие чулки, не тычу в глаза своими знаниями, если мне нравятся красивые вещи, то это вовсе не значит, что меня можно считать легкомысленной или невежественной.

На щеках Норланда выступили красные пятна.

– Все равно я не возьму вас. Встречи в нашем клубе – это не представление для любопытных и легкомысленных юных леди, которым прискучили светские развлечения.

Норланд не поднимал голоса, в котором звучало уже не презрение, а твердость. И тут Сесили с горечью осознала, что даже самый скромный и покладистый мужчина в чем-то может быть о себе крайне высокого мнения. По-видимому, Норланд гордился своим интеллектом. Как это ни странно, но превозносимый им ум не позволил ему избавиться от закоснелого и глупого предрассудка.

Сесили опять разозлилась, но теперь на себя. На свою глупость. Она сама все испортила, недооценив его высокомерие и решимость. Теперь приходилось за это расплачиваться.

Надеясь придать делу нужный ход, она жалобно произнесла:

– Пожалуйста, ваша светлость, дайте мне возможность доказать вам серьезность моего намерения.

– Нет! – отрезал Норланд. Ее глаза, светившиеся желанием и надеждой, постепенно погасли под его суровым взглядом.

Отвернувшись, он махнул рукой.

– Может быть, вы действительно интересуетесь нашим обществом, но вызванный им интерес далек от научного. Вы не испытывали бы столь острого желания присоединиться к нам, если бы вас не интересовала судьба брата. Сожалею о его кончине, искренне вам сочувствую. Но в «Прометеевом клубе» вы не обнаружите ничего из того, что ищете.

Но Сесили не хотела сдаваться:

– В таком случае не расскажете ли вы мне, что там у вас происходит? Мне бы хотелось узнать чуть-чуть побольше.

– Ничего не буду я вам рассказывать! – Норланд окончательно вышел из себя, хотя у Сесили возникло впечатление, что он злится не по-настоящему, а как бы сознательно подогревает свой гнев. Ткнув пальцем в ее сторону, он сказал: – Мы с вами, леди Сесили, помнитесь, заключили соглашение, что будем жить отдельно. Если не хотите, чтобы я совал свой нос в ваши дела, не суйте ваш в мои.

Норланд надул щеки и с шумом выдохнул:

– А теперь простите меня за некоторую горячность и давайте закончим на этом наш разговор. – Вынув карманные часы, он посмотрел на них. – Да, закончим, прежде чем наговорим друг другу такое, о чем потом будем сожалеть. – Он поклонился. – Итак, всего доброго, миледи.

Резко повернувшись, он стремительно вышел из оранжереи.

Потрясенная Сесили – таким она никогда не видела своего жениха – проводила его изумленным взглядом.

Прошло несколько минут, прежде чем она окончательно пришла в себя. Сколько же упрямства, просто поразительно! Отказ Норланда прозвучал настолько твердо и жестко, что у Сесили не осталось никаких сомнений: он ничего ей не расскажет. Раньше, если ей что-нибудь надо было от него, ей без труда удавалось выпросить или вымолить желаемое. Немного лести, обиженное умоляющее лицо обычно действовали безотказно. Но теперь явно коса нашла на камень.

Кто бы мог подумать? Ее будущий муж, считавшийся, и не без оснований, бесхарактерным, проявил невиданную для него твердость. В самый неподходящий момент – это удручало больше всего.

Похоже, у Сесили не оставалось иного выхода, как обратиться за помощью к герцогу Ашборну. Злая ирония судьбы.

Ощущение безысходности охватило ее. Ей было страшно и вместе с тем – хотя это было чудовищно, она понимала, – их встреча не будет лишена приятности. Она знала, что должна делать, если, конечно, хотела узнать о «Прометеевом клубе» и о судьбе того злосчастного письма, разумеется, не упоминая о нем. Вопреки инстинкту и здравому смыслу она решила пойти на маскарад в дом Ашборна.

Глава 5

– Тибби? – окликнула Сесили свою бывшую гувернантку, повстречав ее на лестнице. – Мне надо кое о чем переговорить с тобой, а до обеда еще есть время.

– Да, дорогая, конечно.

Вздохнув, Тибби повернулась и пошла следом за Сесили – опять вверх – в ее комнату. Войдя в спальную, Сесили немедленно предложила Тибби присесть. Ласково взяв ее за руки, она усадила гувернантку рядом с собой на синий атласный диван возле окна.

– Мне надо сказать тебе кое-что важное.

– Неужели с тобой опять приключилось какое-то несчастье? – шутливо спросила Тибби, поправляя очки на носу. – Моя дорогая девочка, мне казалось, что ты уже выросла и забыла о детских глупостях. Хотя и не столь глупых. В детстве ты старалась любыми средствами привлечь к себе внимание Монфора, но теперь, когда выросла и стала красивой юной леди, ты сама привлекаешь к себе внимание, более того, скоро станешь замужней леди.

От воспоминаний о детских шалостях Сесили стало и грустно, и горько.

– Детство осталось в прошлом. – Она ласково пожала руку Тибби в знак признательности.

– Что же касается замужней леди, то ей весьма хотелось бы узнать твои планы на будущее. Что скажешь, Тибби?

– А-а?! – протянула Тибби, удивленная столь неожиданным поворотом их беседы. – Но ведь я никогда не делала секрета из своего намерения жить вместе с сестрой, после того как все вы выйдете замуж.

– Конечно, Тибби, знаю. Более того, в этом случае герцог намерен платить тебе пенсию, не так ли?

Тибби нахмурилась, как будто эта идея ей была не совсем по душе. Заметив ее хмурый вид, Сесили горячо воскликнула:

– Разумеется, говорить о деньгах дурной тон, но лучше на время забыть о подобной чепухе, чтобы не жить на хлебе и воде.

– Я очень благодарна герцогу за его щедрость, – отозвалась Тибби. – Но у меня есть кое-какие средства, их мне хватит на жизнь, причем не только на один хлеб и воду.

Сесили, зная о намерении Монфора, ничего другого от него не ожидала. Вместе с тем она понимала, что Тибби, столько лет бывшая подневольным человеком, должно быть, соскучилась по независимости. Мечты о свободе... сколько же в них притягательной силы! Как же влечет к ним любого человека! Но разве сама Сесили не мечтала о свободе? Разве стремление к независимости не подталкивало ее к браку по расчету?

– В таком случае, – заметила Сесили, – предложение, которое меня попросил сделать Норланд, тоже не вызовет у тебя особого восторга. Об одном прошу тебя, Тибби, не спеши, обещаю подумать хорошенько, прежде чем дать на него ответ.

Серые глаза Тибби широко раскрылись от изумления:

– Предложение? Какое предложение? Я внимательно слушаю.

– Норланд хочет, чтобы ты жила вместе с нами, точнее со мной, – поправила себя Сесили. – Большую часть года Норланд и я будем жить отдельно друг от друга.

А еще лучше весь год, если бы это только зависело от нее. Кошмар – жить вместе с Норландом означало жить вместе с его матерью.

Тибби удивилась:

– Но почему... Мне кажется... Уверена, ты хочешь быть настоящей женой, Сесили.

Ну почему приходилось объяснять это снова и снова? Сесили это не только надоело – она просто устала повторять одно и то же.

– Тибби, это давно решенное дело. Брак основан на взаимной договоренности. Он не любит меня, а я не люблю его. На самом деле, – Сесили запнулась, вспомнив уничижительное мнение Норланда о женском уме вообще и о ее в частности, – я могу с уверенностью сказать, что в данный момент мне он совсем не симпатичен. Впрочем, я довольна тем, что стану его женой.

Тибби так и замерла, пораженная решительным видом Сесили и ее столь прозаичным подходом.

Сесили сжала тонкую, сухую руку Тибби.

– Впрочем, как бы неблагоприятно я к нему ни относилась, надо отдать ему должное: порой он бывает очень чутким и внимательным. Мысль предложить тебе место моей компаньонки пришла в голову именно его светлости.

– Неужели это придумал его светлость?

Услышанное не только потрясло Тибби, но и, по-видимому, обрадовало. Несмотря на то что Норланд был занудой и женоненавистником, все-таки было в нем что-то хорошее, доброе, светлое.

Сесили закивала:

– Как он добр, не правда ли? Я никак не могла предположить, что он сможет придумать нечто такое, что мне так понравится. И мне это очень, очень нравится! Ты только подумай, Тибби, сколько добра мы сможем сделать вместе, когда я смогу распоряжаться своими собственными деньгами.

Судя по ее виду, Тибби не разделяла восторга Сесили. Она почему-то побледнела, а ее глаза тронула странная непонятная грусть.

– Тибби, что с тобой? Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо. – Тибби выдавила улыбку, которая не смогла скрыть ее бледности. – Просто твое предложение очень сильно меня удивило.

Сесили в раздумье посмотрела на Тибби. Может, она зря призналась в том, что это придумал Норланд? Может, Тибби обиделась на нее? Или решила, что ее дальнейшая судьба мало волнует Сесили? А может, Тибби действительно надоело быть в услужении, она устала и решила отдохнуть?

– Я что-то не так сказала? Тибби, ты же знаешь, я нисколько не хотела тебя обидеть или поставить в неловкое положение.

Тибби так разволновалась, что даже задрожала.

– Нет, нет, Сесили... конечно, нет. Как могла ты так подумать? Ты тут ни при чем. Напротив, я очень тебе признательна, моя дорогая девочка. – Тибби мягко пожала руку Сесили.

Она говорила, вернее бормотала, словно извиняясь. Вынув носовой платок, Тибби промокнула внезапно ставшие влажными глаза.

– А можно мне немного подумать? Сейчас я как-то не готова дать ответ.

– О чем речь? Конечно, подумай. Можешь посоветоваться со своей сестрой. Как говорится, ум хорошо, а два лучше. Одним словом, не торопись, – принялась успокаивать ее Сесили. – Тибби, дорогая, ты выглядишь не очень хорошо. Мне кажется, тебе следует прилечь и отдохнуть.

– Да, да, ты права. Похоже, мне в самом деле стоит немного отдохнуть. – Тибби смутилась и неуверенно встала.

Сесили тоже растерялась. Она ясно видела, что сделанное ею предложение было воспринято как-то странно – может, она выбрала неподходящее время или всему виной неудачное стечение неизвестных ей обстоятельств. Тибби, опустив голову, молча вышла из спальни.

Сегодня все шло наперекосяк. Оставалось лишь надеяться, что концовка дня сложится удачнее. Ее ждала встреча с герцогом Ашборном, и тут, как не без оснований полагала Сесили, ей должна была понадобиться вся ее удача.

Она еще раз все прикинула: каждый свой шаг, всю очередность своих действий. Пока гости и хозяин будут веселиться на маскараде, надо будет найти библиотеку Ашборна. Она ни в коем случае не примет участия ни в танцах, ни в любой развлекательной игре. Маскарад не для нее.

У нее совсем другие цели: во-первых, отдать Ашборну дневник, далее – разузнать у него как можно больше и благополучно улизнуть. Если каким-то чудом к ней в руки попадет то самое письмо, тем лучше.

Но для этого придется постараться. Прежде всего, ни тени смущения, как бы он не подавлял ее своим видом и высокомерием. И ни в коем случае нельзя позволять ему дотрагиваться до нее, так что танцы исключены.

Все это плохо увязывалось между собой. С одной стороны, Сесили не терпелось попасть на маскарад, чтобы осуществить задуманное; с другой – прислушиваясь к голосу благоразумия, бравшему иногда верх над порывами любопытства и нахальства, свойственного юности, не говоря уже о коварных выходках Ашборна, она понимала, что для нее лучше подальше держаться от него. Чем дальше от Ашборна, тем безопаснее, одно было плохо – разговор с ним наедине никак не соответствовал данному условию.

После того как Дикон, верный помощник во всех ее проделках, стал дворецким у Розамунды, Сесили попала в довольно сложное положение. Теперь за ней следили все ее близкие, начиная от Монфора и кончая кузенами Энди и Ксавье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.